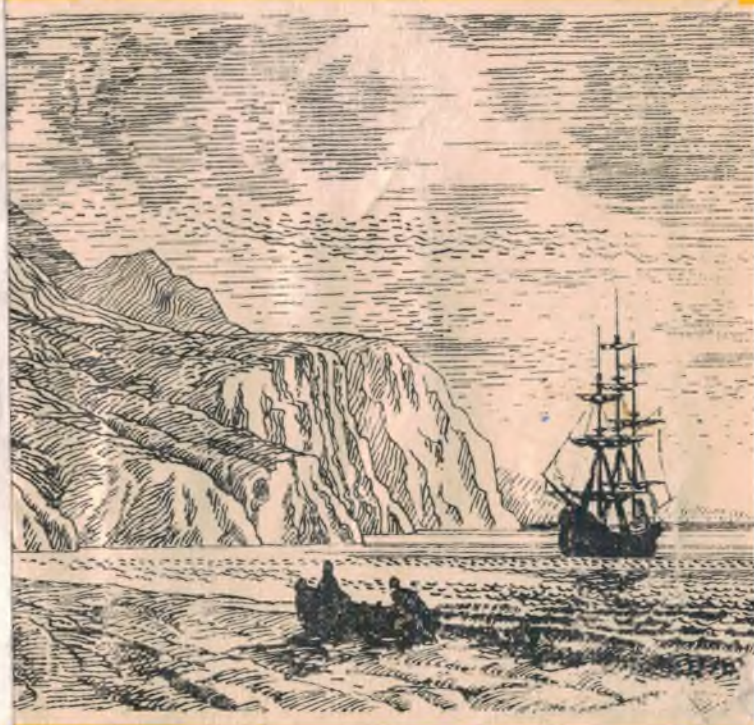


Н. Г. Фрадкин



КРАШЕНИННИКОВ





С. П. Крашенинников

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Н. Г. Фрадкин

С. П. КРАШЕНИННИКОВ



Издание третье,
дополненное

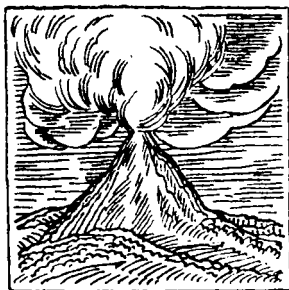
Издательство
• МЫСЛЬ •
Москва
1974

91 (09)
Ф 82

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф $\frac{20901-277}{004(01)-74}$ 175-75

© Издательство «Мысль», 1974



Осенью 1737 года судно «Фортуна» доставило в Большерецк — одно из русских поселений на Камчатке — молодого натуралиста, студента Петербургской Академии наук С. П. Крашенинникова. Отсюда начались трудные странствования студента по земле Камчатской. Он ездил на нартах, запряженных собаками, взбирался на «огнедышащие горы», плавал под парусами по камчатским рекам. В путешествиях он подружился с ительменами — народом, который до прихода русских на Камчатку знал лишь орудия, сделанные из камня и кости. Ительмены сложили песню об удивительных занятиях их молодого друга, о том, как много надо делать человеку, чтобы носить мудреное звание «студент»:

... Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек,
Ежели бы я был студент, то бы поснимал все орлиные гнезда,
Ежели бы я был студент, то бы описал горячие ключи,
Ежели б я студент был, то б описал все горы.
Ежели бы я студент был, то б описал всех птиц.
Ежели б я студент был, то б описал всех морских рыб¹.

Четыре года провел студент на далекой Камчатке. Впоследствии, став одним из выдающихся ученых своего времени, он много лет работал над книгой об исследованном им крае. Ночами, при свете восковой свечи, он снова и снова возвращался к своим камчатским дневникам, вспоминал виденное за годы путешествий: курящиеся сопки, реки, бурлящие от несметной массы рыбы, смуглых людей в одежде из звериных кож.

Лишь после смерти ученого книга была издана. На титульном листе ее значилось: «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором...» Труд этот обессмертил имя его автора.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 431. Перевод песни сделан С. П. Крашенинниковым.

В ПУТИ

В XVIII столетии при Академии имелись гимназия и университет. Из этих учебных заведений, а иногда из духовных семинарий брали студентов в академические экспедиции.

Ученые занятия в те времена не часто привлекали дворянина. Тем более не дворянским делом было ездить годами по России и исполнять нелегкие работы по составлению карт, сбору коллекций и географическому описанию посещенных мест. Поэтому в академические учебные заведения и экспедиции случалось попадать людям несостоятельным и незнатным — детям солдат, пономарей, сельских дьячков, придворных музыкантов. Трудными и многострадальными были для них годы учения, зато в экспедициях студентам нередко поручались ответственные задания. Студент Степан Крашенинников, сын солдата, отправился в дальний путь с одной из таких экспедиций.

Сведений о детских и юношеских годах Крашенинникова почти не сохранилось. Известно, что он родился в Москве в октябре 1711 года и что отец его был солдатом Преображенского полка¹. В краткой автобиографии, написанной им на склоне жизни, сказано: «Я, нижеименованной, обучался в Московской иконоспасской школе с 1724 по 1732 год, в которых последних двух годах получал по сороку алтын на месяц, а до того — по тридцати алтын»².

Училище, о котором пишет Крашенинников, находилось в Москве, в здании Заиконоспасского монастыря, поэтому оно нередко и именовалось современниками Иконоспасским или просто Спасскими школами (так называл его М. В. Ломоносов). А официальное название, присвоенное училищу, было Славяно-греко-латинская академия. По сути эта Академия, основанная в 80-х годах XVII века, была первым высшим учебным заведением в России. Хотя учение в ней имело преимущественно схоластический характер, но кроме премудростей богословия

¹ О дате рождения С. П. Крашенинникова и о том, как она была определена историками, см.: *Н. Н. Степанов. Творческий путь С. П. Крашенинникова. — В сб. «С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы».* М., 1966.

² Автобиография С. П. Крашенинникова. — См. *С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки*, стр. 545.

ученики получали в низших классах начатки знаний по географии, истории, математике, а в старших узнавали и о физике, которую учителя излагали им в основном по Аристотелю. И разумеется, одним из главных предметов был латинский язык. Впоследствии знание его оказалось существенным для Крашенинникова. В то время латынь считалась «языком науки», на ней писались многие научные труды.

При Петре I воспитанников этого учебного заведения стали посылать в самые разнообразные учреждения, где требовались грамотные люди: в хирургическую школу при московском госпитале, в Морскую академию и на разные государственные должности.

В числе деятелей русской науки и культуры, годы учения которых начались в Спасских школах, были зодчий В. И. Баженов и поэт А. Д. Кантемир. В 1731 году, когда Степан Крашенинников перешел в один из старших классов, в училище был принят Михаил Ломоносов.

Вспоминая учение в Спасских школах, Ломоносов писал: «Имея один алтын в день жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее [одна денежка] на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил»¹.

Биографу М. В. Ломоносова А. А. Морозову, которому принадлежит одно из лучших жизнеописаний великого русского ученого, удалось воссоздать общую обстановку и многие примечательные детали, характерные для Славяно-греко-латинской академии². Учение в ней, особенно для неимущих учеников, сопровождалось многими невзгодами. Бывало так, что скудное жалованье задерживали подолгу. А в 1732 году, например (это как раз последний год пребывания в училище Крашенинникова), его не выдавали вовсе и школяры «претерпевали глад и хлад». Учеников секли нещадно розгами и требовали от них не столько понимания, сколько зубрежки бесконечных текстов и правил. И все же в школе были учителя, которые старались привить своим питомцам любовь и уважение к книге. Вот, например, какие разумные советы давал ученикам один из таких учителей: «Лучше прочитать немно-

¹ М. В. Ломоносов. Письмо к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 года. — Полн. собр. соч., т. 10. М. — Л., 1957, стр. 479.

² А. А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961.

гое со вниманием и пользой, чем многое бегло и бесполезно»; «...Начинай чтение не с середины, а с самого начала»; «Записывай, что вычитал достойного замечания».

Занимался юноша Крашенинников в училище успешно и был одним из первых учеников. Учение его закончилось год спустя после поступления в Спасские школы Ломоносова, и сблизиться, стать друзьями, им довелось много позже, в Петербургской Академии наук.

* * *

Детство и юность будущего путешественника совпали с большими историческими событиями. Реформы, проведенные в первой четверти XVIII века Петром I, способствовали развитию в России промышленности, торговли, мореплавания. Они имели важное значение и для русской науки и географического исследования страны.

Впоследствии, уже став профессором ботаники и натуральной истории Петербургской Академии наук, Степан Петрович Крашенинников в своей речи «О пользе наук и художеств», которую он произнес на публичном собрании Академии, отмечал большое развитие исследований Земли и успехи отечественного мореходства, связанные с петровскими преобразованиями: «...Ныне не токмо в столице, но и по отдаленным местам корабли строим... с добрым успехом ходим не токмо по ближайшим морям для охранения отечества, но и по самому океану, не тающими льдами покрытому, изыскивая неведомые и край света лежащие земли для единого своего прославления»¹.

Эти слова напоминают о Камчатских экспедициях, в особенности о второй из них, с участием в которой связано главное дело жизни Крашенинникова. Конечно, и в XVII столетии, и в более давние времена русские поморы предпринимали смелые походы по «Ледовитому морю-океану», но экспедиций, подобных Второй Камчатской, прежние века не знали.

Начальной датой для истории Камчатских экспедиций может быть принят 1724 год, тот самый, в котором тринадцатилетний Крашенинников поступил учиться в московскую Иконоспасскую школу. Этот год памятен в истории отечественной науки основанием Петербургской Ака-

¹ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 230.

демии наук. К снаряжению задуманной Петром I Первой Камчатской экспедиции было приступлено в конце года. Указ о ней был составлен в декабре, а в январе 1725 года, незадолго до смерти, Петр I написал для нее лаконичную инструкцию, которая начиналась так: «I. Надлежит на Камчатке или в другом тамо же месте сделать один или два бота с палубами...» В двух последующих пунктах предписывалось плыть на выстроенных ботах «возле земли, которая идет на норд» (то есть на север. — *Н. Ф.*), и искать, «где она сошлась с Америкою... и самим побывать на берегу... и поставя на карту приезжать сюды»¹.

Как полагает большинство историков, географическая задача экспедиции состояла в том, чтобы выяснить, соединяется ли на севере Азия с Америкой, а вместе с тем и разведать возможные торговые пути на востоке страны. Начальником экспедиции был назначен капитан I ранга В. Беринг — сорокачетырехлетний моряк, родом из Дании, к тому времени уже двадцать лет состоявший на русской службе. Его помощниками стали двадцатидвухлетний лейтенант А. И. Чириков, впоследствии знаменитый мореплаватель, и лейтенант М. П. Шпанберг.

Работы экспедиции велись с 1725 по 1730 год — как раз в то время, когда Крашенинников учился, одолевал латынь и, может быть, узнавал об устройстве мира по книге «Земноводного круга краткое описание». А участники Первой Камчатской экспедиции, о которой он тогда, конечно, еще ничего не знал, добирались через всю Сибирь к Камчатке — везли с «великими тяготами» грузы по рекам, сухопутью, Охотскому морю. В Нижне-Камчатске они выстроили судно «Св. Гавриил» и предприняли на нем в 1728 году трудное плавание на север. Члены Первой Камчатской экспедиции создали первую сравнительно точную карту азиатского побережья моря, которое позднее было названо Беринговым, открыли остров Св. Лаврентия и один из островов Диомиды, прошли пролив, отделяющий Азию от Америки. Однако им не удалось увидеть американский берег этого пролива (не видели его и первооткрыватели пролива С. И. Дежнев и Ф. А. Попов, прошедшие им в середине XVII века). Лишь вскоре после окончания Первой Камчатской

¹ См. полный текст инструкции в кн.: *Д. М. Лебедев, В. А. Есаков. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971, стр. 191.*

экспедиции, в 1732 году, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев завершили открытие этого пролива, известного ныне под названием Берингова, достигнув его американского побережья. Но сведения, добытые ими, поначалу не привлекли должного внимания и стали известны в Петербурге лишь много позднее.

В 1732 году Крашенинников в числе двенадцати учеников Славяно-греко-латинской академии был отправлен в Петербург для участия во Второй Камчатской экспедиции.

В истории географических исследований эта экспедиция, длившаяся десять лет (с 1733 по 1743 год), составила целую эпоху. Начальником ее был назначен Беринг, а его помощником — Чириков. В марте 1733 года из Петербурга отправились моряки и геодезисты во главе с Берингом и Чириковым. По дорогам продвигался громадный обоз. Несколько сот человек ехало в колясках, каретах и на подводах. Добравшись до города Твери на Волге, путешественники погрузили все снаряжение на речные суда. Плыли вниз по реке до Казани, а оттуда на подводах направились в сибирский город Тобольск, расположенный у впадения реки Тобола в Иртыш. Здесь экспедиция зазимовала.

Участники экспедиции были разделены на отряды. Перед северными отрядами стояла задача описать и положить на карту побережье Северного Ледовитого океана на громадном протяжении от Белого моря до Чукотки. На географической карте Арктики в названиях мысов, островов, морей и заливов увековечены имена людей, осуществлявших эту трудную задачу. Среди них Степан Малыгин и Алексей Скуратов, обогнувшие полуостров Ямал; Дмитрий Овцын, который обошел морем Гыданский полуостров и достиг устья Енисея; Василий и Мария Прончищевы; Дмитрий и Харитон Лаптевы; штурман Семен Челюскин, достигший самой северной точки Азии — мыса, которому позже было присвоено имя Челюскина.

Тихоокеанским отрядам экспедиции предписывалось «сыскать неизвестные американские берега», а также найти морской путь в Японию.

Большим подвигом и выдающимся географическим достижением Второй Камчатской экспедиции стало плавание к северо-западным берегам Америки двух кораб-

лей, одним из которых — «Св. Петр» — командовал Беринг, а другим — «Св. Павел» — Чириков. Корабли строились в Охотске, грузы к верфи везли издалека. В 1740 году оба они были спущены на воду и направились к восточному побережью Камчатки; в Авачинской бухте корабли зазимовали. На берегу бухты был заложен город и порт Петропавловск, названный так в честь кораблей, которым предстоял неизведанный путь. Плавание началось в июне 1741 года. «Св. Павел» достиг Америки первым 16 июля 1741 года под $55^{\circ}36'$ с. ш. В октябре этот корабль, преодолев многие опасности, вернулся в Авачинскую бухту. В числе островов, нанесенных экспедицией на карту, были Алеутские острова.

«Св. Петр» достиг американского берега 17 июля на широте $58^{\circ}14'$ и двое суток плыл вдоль него. Натуралист Стеллер высадился на берег и за немногие часы пребывания на американской земле успел сделать важные научные наблюдения. Обратное плавание сложилось трагически. Корабль преодолевал штормы, туманы и, потеряв ориентировку, потерпел крушение возле острова, который ныне носит имя Беринга. Беринг умер во время зимовки на острове. Оставшиеся в живых люди на суденышке, выстроенном из обломков корабля, добрались в 1742 году до Камчатки. В результате плавания В. Беринга и А. И. Чирикова был пройден морской путь к неизвестным тогда берегам северо-западной Америки.

Отыскать морской путь в Японию надлежало отряду под начальством Шпанберга. На пути к Японским островам велись работы по описи Курильских островов и берегов Охотского моря. В 1739 году корабли отряда достигли островов Хоккайдо и Хонсю.

Перед Второй Камчатской экспедицией была поставлена еще одна задача — исследовать и описать малоизученные территории Сибири и в особенности полуостров Камчатку. Неудивительно, что описанию этого огромного полуострова придавалось большое значение. Камчатке предстояло стать важной опорой русского государства на Тихом океане. От Камчатки корабли Беринга и Чирикова должны были направиться к неведомым берегам Америки. Естественно поэтому, что обе экспедиции Беринга и Чирикова получили официальное наименование «Камчатских», хотя, конечно, для Второй Камчатской экспедиции это название оказалось весьма услов-

ным и многие историки позднее приняли для нее иное наименование: «Великая Северная экспедиция»¹.

Работы по изучению Сибири и Камчатки должен был выполнить отряд, который снарядила Петербургская Академия наук. В помощь академикам для подсобных работ и были затребованы учащиеся Иконоспасской школы.

* * *

В морозный декабрьский день 1732 года Крашенинников выехал в свою первую далекую поездку — к берегам Невы. Шестисотверстная дорога заняла неделю. Из присланных учеников в экспедицию отобрали пятерых, зачислили их в студенты Академии наук и за восемь месяцев, пока шла подготовка Академического отряда, успели обучить кое-чему полезному для будущих работ (показывали, например, как обращаться с геодезическими инструментами).

В Академический отряд Второй Камчатской экспедиции были назначены историк Г. Ф. Миллер, натуралист И. Г. Гмелин и астроном Л. Делиль Делаacroer. Предполагалось, что они поделят исследовательские работы между собой в соответствии со специальностью и научными интересами каждого. Петербургская Академия наук снабдила профессоров обстоятельными инструкциями, а в помощь им были включены в отряд геодезисты, переводчик, два живописца и, как уже упоминалось, студенты. Для студентов также составили инструкцию. От них, впрочем, требовалось не так уж много — слушаться во всем своих начальников. Кто мог предполагать, что самую трудную задачу Академического отряда — исследование и описание земли Камчатки — придется выполнить лишь одному человеку, и этим человеком окажется молодой студент Крашенинников.

В экспедиции каждому профессору предоставлялось десять подвод. С ними была отправлена большая библиотека. К услугам профессоров были повар и портной, столяр и плотник. Недаром И. Г. Гмелин писал впоследствии в книге о своем путешествии по Сибири: «Чита-

¹ Ныне название «Великая Северная экспедиция» нередко применяется только для северных отрядов, которые вели опись арктических берегов страны, а собственно Второй Камчатской экспедицией именуют тихоокеанские отряды.

тель увидит, что свое путешествие в самых отдаленных странах я имел возможность устраивать очень удобно»¹.

Студенту Степану Крашенинникову, конечно, не полагалось профессорских удобств, но, очевидно, его путешествие по Сибири не сопровождалось такими лишениями, которые выпали на его долю позже, на Камчатке. Однако сибирские пути студента не были легкими. Застигали его в дороге выюга, дождь и лютый мороз; приходилось подчас голодать, проводить сутки без сна. Но все сильнее увлекал Крашенинникова его повседневный труд. Он узнавал, как надо собирать и коллекционировать растения, как составлять географические описания, как по рассказам местных жителей и по архивным бумагам, хранящимся в приказных избах, знакомиться с историей посещенных земель.

Руководители Академического отряда И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер (третий профессор, Д. Делаacroer, отправился из Tobольска с другой группой участников экспедиции, и Крашенинников встретился с ним лишь несколько лет спустя) были учеными широкообразованными, но разными и по характеру, и по своим научным интересам.

Гмелина более всего занимала ботаника. Впоследствии им был создан капитальный труд о сибирской флоре. После отъезда из России в Германию он выпустил также в свет описание своего путешествия по Сибири, в котором наряду со многими существенными сведениями о природе и хозяйстве посещенных им мест было немало и поверхностных, утрированных рассказов о быте сибирского населения.

Миллер занимался и географическими исследованиями, однако наибольший интерес вызывали у него старинные исторические документы, которые он неутомимо отыскивал в архивах сибирских городов. Выписки из этих документов послужили в будущем основой для написания им обширного труда «История Сибири».

К студентам профессора относились по-разному, сообразно складу своего характера. Гмелин вел себя с ними более общительно, Миллер держался свысока, как крутой начальник. В общем-то обоих профессоров студенты интересовали мало — они были поглощены собственными научными работами. Гмелин все же иногда

¹ В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 130.

проводил с ними занятия по естествознанию, стараясь, чтобы этого не заметил Миллер, который считал такие занятия излишними. Студентам приходилось учиться самостоятельно. Впоследствии Ломоносов говорил, что из академических студентов, отправленных в экспедицию, только «...один удался — Крашенинников, а прочие от худова присмотру все испортились»¹.

Более трех с половиной лет длился путь Крашенинникова по сибирским землям. Он проехал сотни верст в крытой кожей кибитке. Березовые перелески перемежались с лугами и со степью, поросшей высокой травой. Поднималась перед ним и глухая тайга. Лучи солнца не проникали сквозь густые ветви елей, кедров и пихт. За Енисеем увидел студент светлую лиственничную тайгу. Лиственницы стояли стройные, высокие, убранные мягкой хвоей. Зимой они сбрасывали свой ярко-зеленый наряд — в отличие от других хвойных деревьев. Стали привычными для путешественника и горные тропы и нескончаемые речные дороги. И на всех этих путях, на коротких стоянках в селениях и на зимовках в городах — всюду Степана Крашенинникова ожидали работы, которые становились для него все более интересными, понятными и привычными, — сборы коллекций, описания увиденного и множество повседневных экспедиционных хлопот.

Через год после выезда из Петербурга Крашенинников начал вести путевой дневник, названный им «Дорожным журналом». По этому дневнику, а также по другим записям можно ныне восстановить маршруты Крашенинникова по Сибири и в какой-то мере представить себе облик автора — пытливого молодого исследователя, наблюдающего жизнь сибирского населения, жадно всматривающегося в необычные для него картины природы.

Крашенинников работал увлеченно, упорно. Вскоре ему стали поручать самостоятельные задания. Он описывал Колыванские заводы Алтая, Аргунские серебряные заводы, изучал слюдяные залежи, теплые источники и соленые ключи.

Обо всем этом можно прочесть в его «Дорожном журнале», в составленных им описаниях путей, в отчетах о поездках, которые он представлял своим началь-

¹ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 22.

никам И. Г. Гмелину и Г. Ф. Миллеру — «благородным господам профессорам», как именуются они в этих отчетах.

Вплоть до наших дней эти описания, отчеты («репорты»), «Дорожный журнал» С. П. Крашенинникова хранились в архиве Академии наук СССР. В 1966 году, бережно собранные и прокомментированные, они были впервые изданы в виде отдельной книги. Многолетний исследователь научного творчества Крашенинникова этнограф Н. Н. Степанов, подготовивший для издания этот сборник, отметил большое научное значение сибирских работ путешественника. По его словам, «уже в Сибири Крашенинников превратился из ученика в мастера»¹. А известный исследователь Сибири археолог и этнограф А. П. Окладников, редактор сборника, в предисловии к нему написал: «Стоит начать чтение замечательного «Дневника» Крашенинникова, перелистывая его пожелтевшие страницы, и уже невозможно от них оторваться, — так свежи эти первые впечатления Крашенинникова от тогдашней Сибири...»²

Первые записи в «Дорожном журнале» были сделаны в сентябре 1734 года во время плавания по реке Томе от города Кузнецка к городу Томску. Путешественник сообщает о ночевке в одном из селений южных алтайцев, об устройстве виденных им в селении жилищ. В жилищах этих «двери так малы, что немалому человеку почти полском лезть [ползком лезть] в них надобно. А полу в них нет, а на середине их зделан комель, в котором днем и ночью, зимою и летом огонь безпрестанно кладут».

Вслед за этой записью другие — об обычаях, верованиях, обрядах. Любопытным показалось студенту, что тамошние шаманы («камы»), когда совершают свои заклинания, то бьют в бубен колотушкой и призывают черта. На вопрос «для чего не у бога, но у чорта помощи просят», путешественник получил такой ответ: «...бог помощи нам дать как может, понеже он высоко живет, а чорт, так же как и мы, на земле, того ради лучше нам помочь и может»³. По словам А. П. Окладникова, уже

¹ Н. Н. Степанов. Творческий путь С. П. Крашенинникова. — В сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 32.

² А. П. Окладников. Предисловие к сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 5.

³ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 50—51.

на этих первых страницах дневника и жилища, и шаманская обрядность описаны с зоркостью, «которой могут позавидовать этнографы нашего века»¹.

А вот запись о «писаном камне» у берега реки Томи. Речь идет о наскальных изображениях. Ныне об этих ранних формах искусства, памятниках первобытной культуры, написано множество научных трудов. Крашенинникову довелось быть одним из первых исследователей наскальных изображений в Сибири.

«Камень нарисованными фигурами к реке стоит. Вышина его около 10 сажень...» Студент тщательно описал, где находятся на этом «камне» изображения и насколько близко к ним можно подойти, «ежели хорошенько рассмотреть кто хочет», и какие фигуры изображены в разных местах на этом «писаном камне»: «На всех сих местах маралы, лоси, олени, лошади и инде рыбы и люди вырезаны. В нижних местах оное изображение почти все попорчено и инде иные новые фигуры изображены. На верхнем, понеже туды взойти не всякому можно, все изображение очень ясно видеть можно было»².

Приведенные записи относятся всего к нескольким дням путешествия по реке Томи. В «Дорожном журнале» Крашенинникова можем прочесть о Томске, Енисейске, Красноярске, Иркутске и о множестве селений, посещенных на тысячеверстных путях по сибирской земле. Путешественник подчас заносит в дневник лишь какую-либо деталь, которая показалась ему примечательной, например, почему Байкал именуют в Сибири морем. Его «...все жители сибирские морем называют, понеже, как оные говорят, ежели его через него едущий назовут озером, то на нем великие валы и буря всходитя, от которой суда разбиваются и людей много тонет»³.

Ныне вряд ли кто помнит об этом древнем поверии, бытовавшем в Сибири, но и в наши дни образ «моря» традиционен для великого сибирского озера.

А разве не запоминается сообщение Крашенинникова о несметном богатстве этого озера рыбой в XVIII веке: «А Байкал озеро длиною на 450, а шириною на

¹ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 6.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 59.

30 верст и больше. Из него по всяк год вверх по реке Седенге ходит рыба, называемая омули, которая так густо ходит, что неводом в один раз по 20 000 рыб добывают»¹.

«Дорожный журнал» немногословен, подчас даже слишком краток. Ведь это же еще начало самостоятельных научных работ Крашенинникова. Но первые изыскания молодого исследователя важны не только для выяснения истоков его научного творчества. Как уже отмечалось выше, они драгоценны для исторической географии Сибири. В них есть сведения, помогающие воссоздать характерные черты сибирского быта, облик тогдашней сибирской природы. Перед читателем возникает с большой отчетливостью жизнь различных народов Сибири в XVIII веке. Большой интерес представляют заметки о сибирских деревнях и городах, о пройденных трудных дорогах.

«Будучи в дороге, описывал я речки и озера, которыми ехал, а дорогу данным мне компасом по румбам замечал и расстояние их от урочища до урочища на пример изчислял» — так писал Степан Крашенинников в «репорте» о поездке к соляным источникам в бассейне реки Каптендэй — правом притоке Вилюя².

А вот строки из другого «репорта»: «От города Якуцка до Охоцкого острогу сочинил я описание пути, также вел особливой журнал, в котором записывал каждый день ветер и премену воздуха и погоды...»³ В описаниях путей обычно указываются встреченные путешественником поселения, речки, озера, дается их местоположение, расстояние между ними и т. д. Из сибирских записей Крашенинникова можно выделить рассказ «О соболином промысле»⁴. Материал для него путешественник собрал в бассейне реки Витима. Тема была избрана не случайно. Соболю издавна считался ценнейшим пушным зверем сибирской тайги. «Соболь есть изящнейший между всеми на одежды употребляемыми зверьми, зане легок, тепол, к носке крепок», — писал современник

¹ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 82.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 155—174. Работа «О соболином промысле» впоследствии была включена в сокращенном виде С. П. Крашенинниковым в его «Описание земли Камчатки».

С. П. Крашенинникова, известный ученый В. Н. Татищев¹.

Добравшись до мест соболиной охоты, молодой студент описал соболиный промысел подробно и красочно, хотя самому ему видеть охоты на соболя не пришлось. Соболю еще в XVII веке вывелся в тех местах, где селились люди и пролегали дороги. Охотиться за ним отправлялись в глухую тайгу.

«Трудно и почти не возможно человеку, который сам на соболином промысле не бывал и никакими кроме жилых мест не ежживал, описать все обстоятельства, которые в ловле соболей примечания достойны. Потому что соболи не живут в близости от жилья, но в отдаленных местах, на высоких горах и в густых лесах...» — писал путешественник в начале своей записи. Он справедливо упомянул и о том, что еще труднее получить сведения о соболином промысле от промышленников.

Охота на соболя в те времена была связана с множеством всяких обрядов, потаенных примет, суеверий. Обо всем этом охотники не любили рассказывать. «Ибо редко такие находятя, которые бы все обстоятельства своего промыслу охотно объявили». Но все же, как повествует студент, ему на реке Лене «случилось таких найти верных людей, которые, кроме того, что до настоящего промыслу принадлежат, и о имеющихя при оном промысле суевериях не утаили». Терпеливо расспрашивал Крашенинников ленских, баргузинских, олекминских, киренских промышленников. Впоследствии он вспоминал, что и рассказы охотников не всегда помогали. От иных рассказчиков так и не мог он добиться интересующих его сведений, ибо «важность им безделицей кажется, а безделица важностью». Но сам Крашенинников уже превосходно научился отделять существенное от несущественного, важное от «безделицы».

В его описании рассказывалось об истории соболиного промысла, о повадках соболя, быте охотников, промышленных пушного зверя, о способах охоты на соболей.

1737 год путешественники встречали в Якутске. Более двух тысяч верст им пришлось проплыть вниз по Лене, пока они добрались до этого далекого сибирского города, основанного столетием ранее русскими землепроходцами.

¹ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 168.

«Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь...» — сказал писатель П. А. Гончаров, который путешествовал по реке Лене в середине XIX века¹.

Гончаров был в дороге месяцы. Крашенинников ехал по Сибири годы. Кибитка стала для него домом. Это действительно была не поездка, не путешествие, а особая жизнь.

* * *

В Якутске, когда туда прибыл Академический отряд, уже собрались сотни участников Второй Камчатской экспедиции. Десятки тысяч пудов разных грузов — провианта и материалов для постройки судов — надо было доставлять из Якутска на тихоокеанское побережье, в Охотск.

Расстояние от Якутска до Охотска — более тысячи верст. Путь туда преграждали горы и тайга, и люди должны были перевозить грузы на нартах.

На севере, на берегах Ледовитого океана, уже вели работы геодезисты. Через несколько месяцев после приезда академиков в Якутск туда с севера прибыл отряд, которому было предписано нанести на карту побережье Лены до Таймырского полуострова. С горькими вестями возвратились люди этого отряда. Они пробирались на дубель-шлюпке «Якутск» сквозь льды, голодали. Полярное плавание окончилось трагически: их начальник — лейтенант Василий Прончищев тяжело заболел и умер. Умерла и его жена, Мария Прончищева, которая стойко переносила вместе с мужем все трудности и лишения. Командование отрядом после смерти Прончищева временно принял штурман Семен Челюскин.

Лишь много позже, уже по возвращении из экспедиции, Крашенинников узнал об успехе дальнейших работ этого отряда. Его командиром стал лейтенант Харитон Лаптев. Снова отправилась дубель-шлюпка «Якутск» в тяжелые плавания к берегам Таймыра. А когда сжатое арктическими льдами судно затонуло, отряд продолжил описание берега по сухопутью. Помощнику Лаптева — штурману Челюскину досталась самая трудная часть таймырского маршрута: сквозь вьюгу, в лютый мороз прошел он с двумя спутниками к северной оконечности Таймыра — самой северной точке Азии.

¹ П. А. Гончаров. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. М., 1949, стр. 641.

Вскоре Крашенинникову довелось самому приступить к трудам, столь же ответственным и тяжелым, как труды геодезистов, наносивших на карту арктическое побережье страны. Профессора объявили студенту, что на Камчатку они направятся позднее, а ему надлежит пока ехать туда одному. Он должен позаботиться, чтобы к их приезду были приготовлены удобные жилища. Самому же Крашенинникову надо, не дожидаясь их, приступить к научным изысканиям. В дальнейшем оказалось, что Гмелин и Миллер, ссылаясь на «худое здоровье», вовсе не захотели ехать на Камчатку. Так Крашенинников отправился в далекий край не скромным помощником академиков, а самостоятельным исследователем, которому предстояло заменить собой целый отряд.

Никто из ученых-естествоиспытателей в те времена еще не бывал на Камчатке. Интересными сведениями о ней наука была обязана смелому землепроходцу Владимиру Атласову — «камчатскому Ермаку», как метко называл его впоследствии А. С. Пушкин. Атласов совершил свой памятный в истории поход на Камчатку «для прииску новых земель» в 1697—1699 годах. Его сообщения содержали множество географических данных о новом крае, присоединенном к русскому государству. И до Атласова на Камчатке бывали русские землепроходцы, но сколь-либо подробных известий о виденном они не принесли. Атласов же был человеком на редкость любознательным, к тому же хорошим рассказчиком. Вот как повествовал он, например, о виденных им огнедышащих горах Камчатки: «А от устья идти вверх по Камчатке реке неделю есть гора -- подобна хлебному скирду, велика гораздо и высокая, а другая близ ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины той горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы, которые люди всходили назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось не ведают»¹.

В первой трети XVIII столетия некоторые новые сведения о полуострове сообщили побывавшие там русские гео-

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 71.



Петропавловская гавань.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

дезисты и моряки. На Камчатке в это время имелось уже три постоянных русских поселения, или, как они назывались тогда, острога. В каждом из этих острогов стояли тридцать — сорок изб и маленькая крепость с бревенчатыми стенами. В избах жили служилые люди, промышленники, купцы.

Одно из этих поселений, называвшееся Большерецком, было выстроено у побережья Охотского моря; два других — Верхне-Камчатский и Нижне-Камчатский остроги — находились в долине реки Камчатки, самой большой реки полуострова.

Тяжело было добираться сюда из Сибири. Первые русские поселенцы шли на Камчатскую землю по сухопутью. Путь из Якутска в Большерецкий или Верхне-Камчатский острог занимал около полугода. При Петре I в 1716—1717 годах удалось наладить сообщение с Камчаткой морем. Раз или два в году небольшое парусное судно отправлялось из Охотска к камчатскому побережью. Охотское море изменчивое, бурное, на нем часты штормы и обычны туманы. Но все же путь по морю был короче и легче, чем по суше. Корабли привозили на Камчатку муку, соль, металлические орудия, а с Камчатки везли «мягкую рухлядь», как называли тогда шкуры ценного пушного зверя — соболей и черно-бурых лисиц.

О природе Камчатской земли и о племенах, населяющих ее, было известно немногое. Крашенинникову предстояло сделать первое подробное географическое описание полуострова.

У КРАЯ ЗЕМЛИ

Туманным осенним утром в начале октября 1737 года началось плавание Крашенинникова по морю на небольшом парусном судне «Фортуна». Это судно было построенное еще во время Первой Камчатской экспедиции в 1727 году. С тех пор оно ходило в Охотском море, переправляя людей и грузы из Охотска в Большерецк.

Море встретило путешественника неприветливо. В судне открылась течь. Матросы откачивали воду насосами, но она все прибывала. Пришлось для спасения судна сбросить за борт около четырехсот пудов разных грузов. Были выкинута и мешки с ржаной мукой, ящики со снаряжением и даже чемодан с бельем, который вез Крашенинников.

На десятый день плавания, когда уже показались берега Камчатки, подул пронизывающий северный ветер и разыгралась буря. Корабль не смог войти в реку Большую, на которой находился Большерецк. Окончилась неудачей и попытка стать на якорь возле берега, чтобы выждать непогоду. Бушующие валы сорвали судно с якоря и выбросили его на песчаную косу. Неделю люди находились на клочке земли, который заливали морские волны, пока наконец пришла помощь из Большерецка.

Когда окончились злоключения плавания, студент бережно собрал уцелевшие остатки багажа — бумагу для дневников, метеорологические инструменты, мешочки с семенами гороха и ячменя. Он сделал опись сохранившихся вещей, добавив к ней: «И больше у меня [ничего] не осталось как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была»¹. Так началась для Крашенинникова жизнь на Камчатке.

Многие путешественники писали книги, повествующие о приключениях, об интересных встречах, об опасностях, с которыми они сталкивались, странствуя по далеким землям. Крашенинников не оставил нам подобной книги. Когда впоследствии увидел свет его обширный труд, созданный в результате путешествия на Камчатку, читатели

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 555.

нашли в нем прекрасное, всеобъемлющее описание края, но почти ни слова о самом авторе, о том, как он жил на Камчатке, как свел дружбу с ительменами, завоевал их доверие и сколько раз, быть может, находился на волоске от гибели, когда глухими тропами ходил в лесах или плыл в лодке по бурным рекам.

Лишь по скупым строкам уцелевших донесений и писем Крашенинникова мы узнаем о его поездках к огнедышащим горам, к горячим источникам, к морскому побережью и кое-что о его быте на Камчатке. Во многих донесениях можно прочесть, как добивался он, чтобы к приезду профессоров (а он был уверен, что они приедут) были отстроены удобные и светлые «хоромы». И только в одном из писем узнаем, что сам он жил в холодной маленькой каморке, зимой в ней оказалось «как ради стужи, так и ради угару жить невозможно» и пришлось ему «ради беспрестанного от угару беспокойства вытти в черную избу»¹.

Долгое время Крашенинникову забывали выслать положенное жалованье. Он вошел в долги, питался кое-как, месяцами не имел хлеба. В нелегких, а подчас и в невыносимо трудных условиях Крашенинников жил на Камчатке с октября 1737 года по июнь 1741 года, то есть около четырех лет.

Все силы он отдавал научным изысканиям. Незнаемая, удивительная страна открывала чудеса своей природы, и он записывал о ней все новые и новые сведения.

* * *

«Если б я студент был, то б описал все горы...» — говорилось в песне, сложенной ительменами.

Где бы ни шел Крашенинников по камчатским землям, вблизи или на горизонте поднимались горы. Реки стекали с них бурными потоками. То тут, то там с шумом низвергались водопады.

Величественная картина открылась взору путешественника у восточных берегов Камчатки. Вдоль побережья тянулась цепь невысоких гор, среди которых поднимались вершины, одетые снегами. Отвесными скалами горы обрывались у тихоокеанских берегов. В берег врезались заливы. Курились вулканические сопки, а в беспредельную даль уходила темно-синяя равнина океана.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 603.



Камчатская огнедышащая гора.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Среди описанных Крашенинниковым гор Камчатки была и Ключевская Сопка — самый высокий действующий вулкан Европы и Азии. Крашенинников называл его «Камчатской огнедышащей горой». «Камчатская гора, — писал он, — ...всех, сколько там ни есть, гор выше».

С вершины этой горы, похожей на громадный конус, сползали мощные ледники, а над вершиной клубились, словно густой дым, вулканические газы. Всего за несколько дней до приезда Крашенинникова на Камчатке произошло извержение Ключевской Сопки, и он смог описать это извержение по рассказам жителей окрестных мест. «Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видимо, устремлялось иногда вниз, как огненные реки, с ужасным шумом. В горе слышан был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали»¹. Вслед за потоками лавы из кратера изверглась туча пепла, которую подхватил сильный ветер и унес далеко в море. Очевидцы рассказывали Крашенинникову и о том, что Камчатская огнедышащая гора извергается обычно раз в семь — десять лет, а пепел выбрасывается из нее каждый год по два и по три раза, иногда в таком количе-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 210.

стве, что верст на триста во все стороны земля им покрывается.

Крашенинников впервые описал Авачинскую Сопку. От камчадалов он узнал, что эта «огнедышащая гора» с давних лет «курится беспрестанно», а временами извергает огненные потоки лавы и тучи пепла.

Описал Крашенинников и горячие источники Камчатки. Горячие источники считались у ительменов жилищами бесов. Поэтому всякий раз они со страхом и недоумением смотрели, как студент один или вместе с кем-либо из спутников-казаков купался в теплой воде ключей.

«Когда они [ительмены] увидели, что мы в ключах лежали, воду пили и мясо вареное в них ели, то думали они, что мы тотчас погибнем. По благополучном нашем с ними возвращении, с превеликим ужасом рассказывали они... о нашем дерзновении, а притом не могли довольно надивиться, что мы за люди, что и враги нам вредить не могут» — так вспоминает Крашенинников свое посещение одного из горячих источников Камчатки¹.

В первый раз Крашенинников посетил горячие источники северо-восточнее Большеречка. Стояли ветреные и морозные дни, часто поднималась вьюга. Тем удивительнее было наблюдать незамерзающую речку, смотреть на ее быстрое течение, на впадающие в нее горячие ручьи и видеть kloкочущий водопад, падающий с каменного утеса. Невдалеке от водопада били с большим шумом горячие ключи. Струи воды и пара поднимались на высоту человеческого роста.

Крашенинников осмотрел горячие источники и на юге полуострова. Ранней весной, когда кругом еще лежали глубокие снега, возле ключей уже зеленели травы и зацвели фиалки. И в зимнее время, и весной на горячих источниках можно было видеть уток и лебедей. Они не улетали на зиму, а оставались зимовать среди снегов, у теплых рек, окутанных клубящимися парами.

Особенно запомнилось Крашенинникову посещение горячих источников вблизи истоков реки Семячик. Ительмены, обитавшие в окрестностях, знали о существовании источников, но никогда не подходили к ним близко. Они не говорили Крашенинникову об этом страшном для них месте, боясь, что безрассудный молодой студент отправится «к жилищу бесов». И только уже отъехав сотни верст

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 218—219.

в другую сторону, Крашенинников случайно услышал об этих источниках и повернул обратно.

Вот как повествуется о них в «Описании земли Камчатки»: «На сей площади во многих местах горячий нар выходит с великим стремлением и шум воды клокочущей слышится». «Особливо достойны примечания два великие жерла... ибо в них кипит вода белым ключем как в превеликих котлах с таким шумом, что не токмо разговоров между собою, но почти и крику не можно слышать. Пар идет из них столь густой, что в семи сажнях чело века не видно».

Воды источников содежали сероводород. Крашенинников записал: «Во всех вышеписанных ключах вода густа, и протухлыми яйцами пахнет»¹.

Верхнесемячкские ключи после Крашенинникова не были посещены никем на протяжении двух столетий.

«Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек... Ежели бы я студент был, то б описал всех птиц», — говорилось в песне ительменов.

«Птиц на Камчатке великое множество...» — записывал студент. Чаще всего он встречал водоплавающих птиц.

Близ берегов, высматривая рыбу, носились и безумно кричали чайки. Крашенинников наблюдал, как охотились на чаек ительмены. «Способ ловли их весьма смешон и странен, ибо их удят, как рыбу»². Действительно, охотились камчадалы за чайками необычным образом. Охотник привязывал к длинному ремню или веревке толстый железный, а иногда и деревянный крюк, насаживал на этот крюк рыбу и закидывал своеобразную «удочку» в море. Чайки, увидев плавающую рыбу, «налетают великими стадами» и долго между собою дерутся, пока сильнейшей из них удастся проглотить рыбу. Тогда охотник вытаскивает на берег веревку с крюком, на крюке беспомощно бьется добыча.

Молодой натуралист познакомился с повадками гагар, чистиков, лебедей, уток. Завидев человека в лодке, утки не улетали прочь, а только ныряли в воду. В светлой воде мелких камчатских рек легко было увидеть нырнувших уток, и ительмены кололи их шестью.

Узнал Крашенинников многое и о зверях Камчатки: лисицах, соболях, диких кабанах, оленях и медведях.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 217.

² Там же, стр. 313.

Камчатские медведи летом, когда шла рыба, стадами спускались с гор к рекам. Часто можно было видеть медведя, сидящего в воде и занятого рыбной ловлей. Некоторые заходили так глубоко, что из воды виднелась только голова. Медведь сидел, расставив передние лапы, и оставался неподвижным до той поры, пока между протянутыми лапами появлялась рыба. Тогда мохнатый рыболов с довольным ворчаньем захватывал добычу. Подчас на реке сразу пять, а то и десять медведей, сидя друг подле друга, ловили рыбу.

Камчатские медведи обычно на людей не нападают. По словам Крашенинникова, в летнее время женщины не боятся собирать ягоды поблизости от медведя. «...Одна им от медведей, но и то не всегдашняя обида, что отнимают они у баб набранные ягоды»¹.

У берегов Камчатки путешественник видел морских зверей — тюленей, сивучей, моржей, морских котиков и морских выдр. О сивучах Крашенинников записал, что водятся они по большей части «около каменных гор или утесов в окиане... режут странным и ужасным голосом, гораздо громче тюленьего». Днем сивучи обычно проводят время на берегу, а вечером плавают недалеко от побережья. Взрослые сивучи обучают в это время плаванню своих детей: «Щенята, утомившись, на спинах у матерей сидят и отдыхают, а самки колесом ныряют, и с себя сбрасывают ленивых, приучая оных к плаванью».

Завидев людей в море, сивуч убегает. Однако сивуча недаром называют «морским львом». Если охотник отрезает ему путь к бегству, то зверь отчаянно защищает свою жизнь: «...с великим свирепством на противника устремляется, головою махает, ярится и ревет так, что и отважной сам принужден будет спастись от него бегством»².

Поэтому опасный промысел сивуча считался у ительменов почетным делом. Охотник, забивший много сивучей, пользовался заслуженной славой храбреца. Обычно охотники старались застигнуть сивучей врасплох и осторожно подкрадывались против ветра к зверям в часы их сна.

Камчатка изобиловала и разными видами мелких животных. В высоких травах, в березовых лесах и в тундрах шныряли сотни полевых мышей. Нередко можно было ви-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 247.

² Там же, стр. 275—276.

деть широкие мышинные тропы. Трава на них была так гладко объедена, как будто ее выкосили.

Крашенинников слышал от ительменов рассказы о том, что полевые мыши в поисках корма отправляются, «собравшись чрезвычайно великими стадами», из одних мест в другие. Они идут напрямик, не обходя ни рек, ни озер, ни морских заливов. «Переплыв за реку или озеро, лежат на берегу как мертвые, пока отдохнут и обсохнут, а потом продолжают путь свой далее... Иногда стада так многочисленны примечаются, что целые два часа дожидаться надобно, пока оные пройдут»¹.

Путешественнику не пришлось самому увидеть, как переселяются «великие стада» полевых мышей, зато он наблюдал другое — «великие стада» камчатских рыб.

Зимой и весной в камчатских реках почти вовсе не было рыбы. Рыба приходила с моря летом. Громадными косяками шли в устья рек лососевые — кета, чавыча, горбуша. Эти рыбы проводят всю жизнь в море. Рождаются лососи в реке, затем уходят в морские воды и возвращаются обратно в реку лишь однажды в жизни — мечут икру и погибают.

Не раз в июльские дни Крашенинников наблюдал, как шла в реку горбуша. Река бурлила. Шум от идущей и плещущейся рыбы долетал до берега. Он был похож на шум кипящей в громадном котле воды. Словно сильный поток врвался с моря в реку, преодолевая ее течение. Косяк горбуши растягивался иногда на целую версту; в подобном косяке шли тысячи рыб, а подчас их было более миллиона.

С утра до вечера, изо дня в день шла рыба, и над поверхностью воды виднелись медленно поднимающиеся и снова опускающиеся горбатые рыбы спины.

Попад из моря в реку, рыбы, особенно самцы горбуши, постепенно изменялись: из серебристо-белых они становились сначала серыми, а затем коричневыми с ярко-малиновым оттенком; на спине появлялся горб, челюсти увеличивались, искривлялись и в них отрастали большие изогнутые зубы.

Крашенинников записывал, что рыбы, «будучи в реках, цвет свой переменяют, телом худеют, и в крайнее приходят безобразие. У всех носы становятся крючком, зубы вырастают больше...»².

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 305.

² Там же.

Все ительмены в дни, когда шла рыба, работали сутра до поздней ночи. Ведь жизнь их зависела от того, сколько им удастся запасти рыбы.

Рыбные косяки привлекали не одних людей. «Когда на устьях рек появится рыба, то медведи с гор стадами к морю устремляются, и... промышляют рыбу»¹.

А рыба все шла вверх по реке. Она не принимала пищи, разбивалась о камни, но никогда не поворачивала назад. После икрометания все рыбы гибли. Мертвые лососи опускались на дно реки, их выбрасывало водой на отмели, и берега постепенно заносило песком и илом. Так образовывались плодородные земли побережий. На этих землях пышно разрастались густые травы, такие высокие, что в них легко мог скрыться человек.

Ранней весной из икры выходили мальки — маленькие бойкие рыбешки длиной в два-три сантиметра. Они росли и наконец уходили в море, с тем чтобы года через два — четыре опять вернуться в ту же реку для метания икры.

* * *

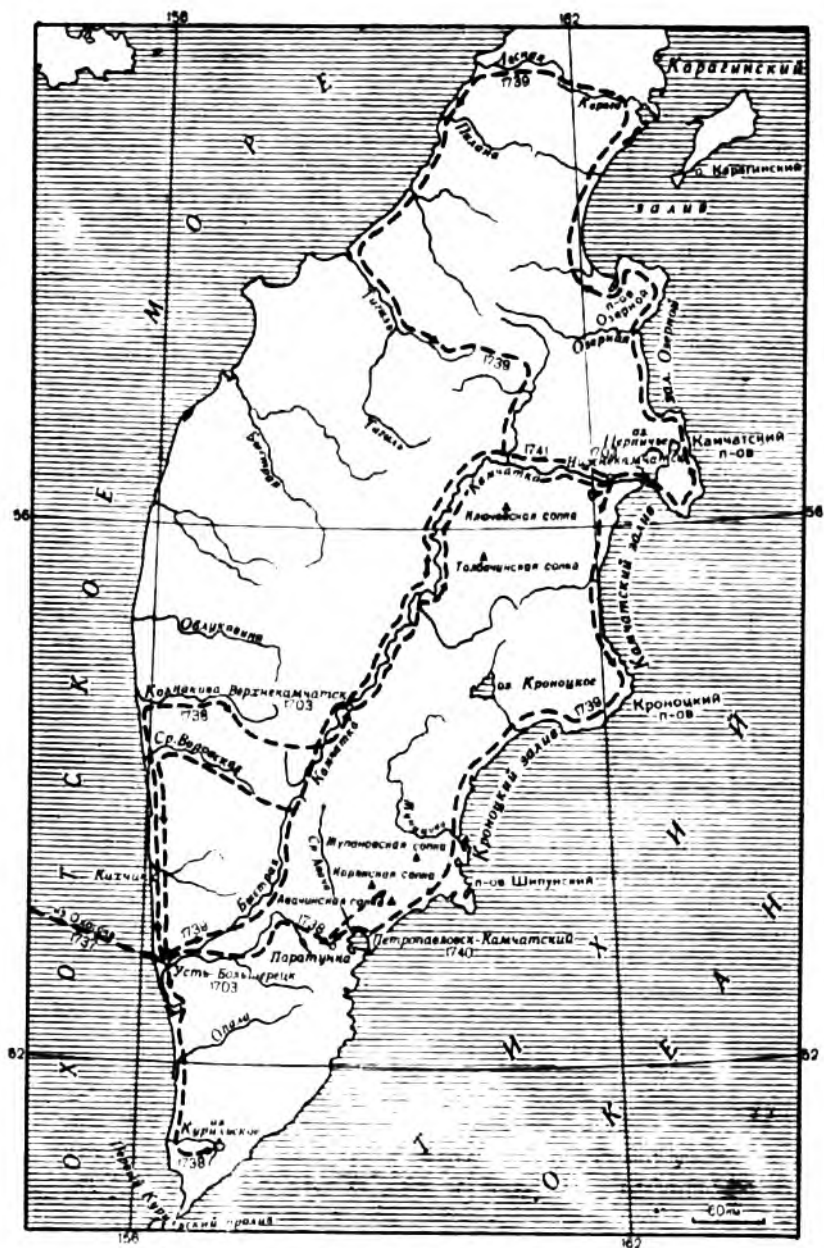
Пройденные Крашенинниковым маршруты известны по его донесениям. В январе 1738 года он совершил первую поездку из Большерецка в глубь полуострова. Путь пролегал к Авачинской Сопке мимо горячих минеральных источников.

Весной 1738 года Крашенинников направился на юг Камчатки, где описал многие горячие источники в долине реки Озерной.

В начале зимы путешественник выехал в один из самых длительных своих маршрутов по Камчатке. Покинув Большерецк в ноябре, он возвратился лишь в апреле следующего года. За это время он исследовал внутренние части полуострова, в особенности долину реки Камчатки, был в Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском острогах, а на обратном пути, следуя западным побережьем полуострова, вернулся в Большерецк.

Особенно интересен маршрут, проделанный Крашенинниковым зимой 1740 года из Нижне-Камчатского острога вдоль тихоокеанского побережья к северу. Он пересек крайнюю северную часть полуострова там, где текут реки Керага и Лесная, и по охотскому побережью вернул-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 247.



Маршруты С. П. Крашенинникова по Камчатке

ея к Нижне-Камчатску. Этот путь выглядит на карте, словно огромная петля.

В рапортах Крашенинников нередко сообщал, что в путь он отправляется на санках, запряженных собаками. Впоследствии в «Описании земли Камчатки» он посвятил отдельную главу рассказу о том, как ездят на собаках местные жители. По этому описанию легко представить и его собственные зимние поездки.

Он ездил в санках, ныне сохранившихся лишь в музеях. Они были устроены несложно. К полозьям прикреплялись по две стойки, которые поддерживали сиденье. Это сиденье было похоже на корзину и покрывалось обычно медвежьей шкурой. «Сидят на санках, — рассказывает Крашенинников, — опустя ноги на правую сторону, а оседлав санки сидеть почитается за великий порок, ибо таким образом сидят на них камчадальские женщины»¹. В руке у ездока «оштал» — длинная кривая палка. Ошталом погоняют и останавливают собак. На верхнем конце палки множество побрякушек или колокольчиков. Одет седок в кухлянку — большую, доходящую до колен меховую рубашку и в меховые сапоги — торбасы. От ездока требуется навык и немалое искусство, чтобы как следует управлять санями.

«Необходимо должно быть осторожну и стараться хранить равновесие; в противном же случае узкие и высокие санки и на самых малых раскатах или ухабах опрокидываются, причем ездок подвержен бывает немалому страху, особливо на пустом месте, ибо собаки убегают, и не станут, пока в жилье придут, или за что-нибудь на дороге зацепятся. А он [ездок] принужден бывает пешитти, чего ради в таких случаях всякий старается как можно за санки схвататься, и тащен бывает иногда с версту, пока собаки выбившись из силы остоятся [остановятся]».

«Вящшее беспокойство в езде бывает, когда на пустых местах застанет вьюга. Тогда с возможным поспешанием надлежит с дороги в лес сворачивать и лежать вместе с собаками, пока утихнет погода, которая иногда по неделе продолжается. Собаки лежат весьма тихо, но в случае голода объедают все ремни, узды, побезники и прочие санные приборы».

«Когда погода застанет на чистой тундре, в таком случае ищут какого-нибудь бугорка и под него ложатся, а

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 398.

чтоб не занесло и не задушило снегом, то каждую четверть часа вставши отрясаются».

Зимняя езда была опасна не только из-за сильных ветров и вьюги. Ехать приходилось все чаще возле рек, а реки на Камчатке «с полыньями превеликими, которые и в самые жестокие морозы не замерзают». Берега рек гористы и зачастую почти непроходимы. И пробираться на санях приходится «по самым узким закраинам, а буде обломятся или санки в воду скатятся, то нет никакого спасения»¹.

Не раз бывал Крашенинников в жестокую пургу в пути, вдали от жилья. Однажды зимой, когда он находился в лесу, началось землетрясение. «...Вдруг как от сильного ветра лес зашумел, и земля так затряслась, что мы за деревья держаться принуждены были, горы заколебались, и снег со оных покатился»², — читаем в одном из его отчетов.

В летние месяцы Крашенинникову часто доводилось путешествовать в лодке. Он видел на берегах рек буйный рост высоких, сочных трав, веселые березовые рощи с развесистыми кронами деревьев и непролазные чащи ольхи. Медведи с трудом прокладывали себе путь через ольховник. Лишь по медвежьим тропам мог без больших усилий пробраться через такую чащу человек.

Природа словно спешила расцвести после долгой зимней спячки. На глазах у путешественника за считанные дни поднимались заросли трав выше человеческого роста. Особенно поразили Крашенинникова своей красотой черно-пурпуровые цветы камчатской лилии — сараны. В июле они резко выделялись среди зелени лугов и перелесков. «...В то время за великим ее множеством, — записывал он, — издали не видно на полях никаких других цветов»³.

Крашенинников пересек громадный Камчатский край в самых различных направлениях. Сотни верст он прошел долинами рек и более тысячи вдоль морских берегов. Во время поездок он подолгу останавливался в селениях камчадалов, как называли тогда русские жители Камчатки ительменов. Жили камчадалы зимой в полуподземных жилищах из бревен. В потолке такого жилища устраивалось отверстие, служившее «вместо окна, и вместо две-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 398—401.

² Там же, стр. 629.

³ Там же, стр. 228.

рей, и вместо трубы». Летом же они обитали в своеобразных свайных постройках, носивших название балаганов.

Устранялись балаганы просто: ставились девять свай, сверху на них укреплялся помост, на котором сооружали шалаш из кольев. Забираться в этот шалаш надо было по лестнице.

Крашенинников был частым гостем у ительменов. Познакомившись с ним поближе, они стали относиться к нему дружески, с большим уважением. В беседах Крашенинников узнавал у стариков, как они жили когда-то, до появления русских. Железа ительмены в те времена не знали. «Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы... Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года»¹.

Крашенинников еще застал и мог видеть своими глазами каменные и костяные орудия труда камчатских племен, ножи из горного хрусталя зеленоватого или дымчатого, насаженные на деревянные черенки, хрустальные наконечники для стрел и иглы, выточенные из соболиных костей.

Удивительным показался Крашенинникову обряд гостеприимства у ительменов. Гость приезжает с подарками, но вручает их хозяину не сразу, а после полагающихся по обычаю церемоний. «По вступлении гостя в юрту и гость и хозяин раздеваются донага». Хозяин непрерывно потчует гостя всякими кушаньями и поливает воду на раскаленные камни, лежащие на очаге, — поддает пару, чтобы в жилище сделалось нестерпимо жарко. «Гость старается все, что у хозяина пристряпано, съесть и жар его вытерпеть, а хозяин старается принудить, чтоб гость взмолился и просил бы свободы от пищи и жару... Хозяин в то время ничего не ест, и из юрты выходить волен. Но гость до тех пор не выпускается, пока побежденным себя признает»². Затем гость «откупается» от хозяина разными привезенными им вещами, уезжает домой и ждет ответного посещения.

Путешественник наблюдал у ительменов различные суеверия и немало грубых обычаев, свойственных племенам, находящимся на низкой ступени развития культуры.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 380.

² Там же, стр. 432.



Езда на собаках.

Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Но он видел у них и мужество, и трудолюбие, и горячую любовь к детям. Он слушал вечерами ительменские песни, в которых звучали задор и охотничья удаля, печаль и любовь. И записывал Крашенинников, что «сей народ имеет к музыке великую склонность» и что в пении ительменов «ничего дикого не примечается»¹.

Находясь в Большерецке, Крашенинников изо дня в день вел метеорологические наблюдения. Он установил на берегу моря столб, размеченный на футы и дюймы, и отмечал по нему высоту приливов, а по устроенным около столба солнечным часам определял начало и конец приливов и отливов.

Крашенинников тщательно переписывал старые документы, хранившиеся в большерецкой приказной избе, и изучал по этим документам историю Камчатки. Он собирал сведения и о Курильских островах, открытых русскими землепроходцами и обстоятельно обследованных геодезистами при Петре I.

Из рапортов Крашенинникова узнаем также и о его других работах. «При начатии весны старался я о заведении [заведении] огорода, в котором сеял репу, редьку, ячмень и сажил все те травы, которые найтить мог».

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 430.



Внутренний вид жилища камчадалов.
Иллюстрация к «Описанию земли Камчатки»

Любовно и настойчиво ухаживал студент за огородом. Он понимал великое значение того, что делал на маленьком клочке земли. Ведь надо было выяснить возможности развития земледелия на Камчатке. И Крашенинников заботливо отмечал все подробности: «Горох сажал мая 25 дня... редьку сажал — 30, а репу — 31 числа мая; редька и репа взошли, и ныне редька с большую морковь величиною»¹.

Во многих работах Крашенинникову помогали его помощники — Иван Пройдошин, Василий Мохнаткин, Егор Иконников, Степан Плишкин, Михайло Лепехин. Их выделило местное начальство из числа «служивых».

Крашенинников обучил их, как надо обращаться с барометром, как определять с помощью флюгера направление ветра, собирать травы и наблюдать различные явления природы. Когда он отправлялся в поездки по Камчатке, то поручал одному из помощников продолжать вести метеорологические наблюдения в Большерецке, а также записывать в дневнике обо всем, что произойдет в природе примечательного: «...когда весною или осенью

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 577—578.

гольцы в море поплывут, когда птицы прилетят и отлетят; о трясении земли, ежели

* * *

В 1740 году — на третьем году пребывания Крашенинникова на Камчатке — он закончил и послал в Сибирь «благородным господам профессорам» описания камчатских народов и разные коллекции. «Собранные мною на Камчатке травы, птицы и рыбы ... в четырех ящиках да в сыромятной суме посылаются»², — писал он в одном из донесений.

Жалованья ему все еще не присылали. Он голодал, одежда давно уже пришла в ветхость. Но ни в донесениях, ни в письмах его не чувствовалось усталости от напряженных трудов. Работы по описанию Камчатки близились к завершению, и только одно дело, причинявшее ему немало хлопот, так и осталось незаконченным: местные власти упорно не хотели заниматься постройкой «хором» для профессоров.

Наконец вместо Гмелина и Миллера, добившихся разрешения не ехать на Камчатку, в Большерецк прибыли Делиль Делаacroер и молодой натуралист, адъютант Академии наук Г. В. Стеллер. Делаacroер, человек по существу случайный для науки, не принес пользы экспедиции в Сибири, также бесплодным оказалось и его пребывание на Камчатке. В противоположность ему Стеллер был исследователем, всецело увлеченным своим делом. За годы своей недолгой жизни (он умер в 37 лет), насыщенной приключениями и путешествиями по суше и морю, он успел сделать для науки многое. С Камчатки он отправился в 1741 году на корабле «Св. Петр» под командой В. Беринга к берегам Америки. Его камчатские исследования, особенно в области зоологии, послужили ценным дополнением к исследованиям Крашенинникова.

По свойствам своего характера Стеллер был человеком трудным. Как видно из уцелевших документов о плавании на корабле «Св. Петр», у него установились неприязненные отношения с офицерами корабля. Видимо, и по приезде в Большерецк, став начальником студента

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 580.

² Там же, стр. 607.

Крашенинникова, молодой адъютант отнесся к нему отчужденно, подчеркнуто официально. Месяц спустя после приезда Стеллера на Камчатку Крашенинников получил от него письменное предписание сдать ему материалы сделанных работ. Крашенинников это предписание выполнил, хотя естественно предположить, что ему было тяжело расставаться со всем собранным и написанным.

Историки науки неоднократно обсуждали этот поступок Стеллера, а также делали сопоставления созданных впоследствии работ Крашенинникова и Стеллера о Камчатке¹. Было выяснено, что в работе Стеллера, изданной после его смерти (он не успел ее закончить и подготовить для печати), отражены некоторые материалы Крашенинникова. Когда Крашенинников создавал свой капитальный труд «Описание земли Камчатки», ему было предложено в Академии учесть наблюдения Стеллера. Крашенинников осуществил это, тщательно оговорив каждое из наблюдений, принадлежащих Стеллеру.

Оба они были выдающимися исследователями: Стеллер в особенности как зоолог, Крашенинников — как географ и этнограф. Но по своим личным качествам скромный, неизменно выдержанный Крашенинников и неуравновешенный, подчас эгоцентричный в своих поступках Стеллер были совсем разными. Пожалуй, не случайно поэтому об их кратковременном совместном пребывании на Камчатке остался памятным только упомянутый выше эпизод.

Вскоре после прибытия Делаacroера и Стеллера Крашенинников совершил поездку на север полуострова — это было его последнее путешествие. 12 июня 1741 года Крашенинников отплыл от камчатских берегов на судне «Охотск». Не приводя здесь сведений об его обратном пути через Сибирь, скажем лишь, что в Якутске он женился на родственнице местного воеводы Степаниде Ивановне Цибульской, что длился обратный путь около полутора лет и что всего за годы путешествий по землям сибирским и камчатским Крашенинников, по его собственным подсчетам, прошел 25 773 версты.

¹ См. об этом подробнее в кн.: *В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг.*, стр. 144—145; *Н. Н. Степанов. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки»*. — В кн.: *С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки*, стр. 41—43.

В АКАДЕМИИ

Крашенинников вернулся в столицу, в Петербургскую Академию наук в феврале 1743 года, около десяти лет спустя после своего отъезда в Камчатскую экспедицию. Снова возникли перед ним запечатленные в памяти набережные Невы, знакомое здание с башней и флигелями, в котором помещались академическая библиотека и кунсткамера — первый русский музей, созданный по замыслу Петра. В кунсткамере хранились помимо прочих редкостей зоологические коллекции, гербарии, собрания минералов. Собранным Крашенинниковым обширным камчатским коллекциям предстояло занять достойное место в научной сокровищнице Академии наук.

В стенах Академии шли повседневные работы. Трудились мастера академических мастерских, изготавливавшие инструменты, точные приборы. Картографы Географического департамента готовили капитальное картографическое произведение — «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям».

В числе ученых, которые в разные годы руководили работами по созданию атласа, самым крупным был знаменитый математик Леонард Эйлер. Впоследствии он сказал о картах этого атласа: «Кроме Франции, почти ни одной земли нет, которая бы лучшие карты имела»¹.

В конференц-зале на собраниях, посещать которые вменялось в обязанность каждому адъюнкту и профессору Академии, неторопливо зачитывали по латыни свои сообщения маститые академики в напудренных париках. Впрочем, уже в первые месяцы, проведенные в Академии, Крашенинников мог достаточно наглядно убедиться в том, что академическая деятельность даже на ученых собраниях далеко не всегда проходит размеренно и чинно, а сами цели и главнейшие задачи Академии по-разному понимаются учеными передовыми и теми, кто был настроен реакционно.

Не станем припоминать здесь имена различных управителей делами Академии, в особенности вошедших в си-

¹ В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., стр. 266.

лу при Бироне, но и позднее, в бытность Крашенинникова адъюнктом, а затем профессором, державшихся на видных должностях: они хотели сделать Академию такой, какими были сами: угодной властью имущим, кастовой, придворной, отгороженной от «черни». Назовем имя, бессмертное для науки,— Ломоносов, которое олицетворило многие свершения Академии не только в XVIII столетии, но и в далеком будущем. Степану Крашенинникову, академическому студенту, вернувшемуся с Камчатки, выпала счастливая судьба стать близким другом и сподвижником Михаила Ломоносова, в ту пору только начинавшего свою деятельность в Академии наук. За год до окончания Камчатской экспедиции Ломоносову было присвоено первое ученое звание адъюнкта Академии, а в 1745 году на том же заседании, на котором Ломоносов был утвержден профессором, студенту Крашенинникову присвоили звание адъюнкта. Их сблизило прежде всего общее понимание задач науки, идеи широкого распространения знаний в России, мечты о том, чтобы наука стала достоянием народа и чтобы труды ученых служили славе и благосостоянию родной страны.

Единство их взглядов с большой силой выразилось в уже упоминавшейся выше речи Крашенинникова «О пользе наук и художеств», произнесенной в 1750 году. Об этой речи, о том, как перекликались высказанные в ней идеи с ломоносовскими, следует рассказать подробнее, поскольку она существенна для истории русской просветительской мысли XVIII столетия¹.

В ту пору Крашенинников уже стал профессором Академии наук, как называли в те времена академиков; звание профессора натуральной истории и ботаники ему было присвоено в апреле 1750 года.

Вскоре после присвоения звания ему поручено было выступить с речью на публичном заседании Академии. Крашенинников посвятил эту речь науке, призванной служить отечеству, значению наук для практической жизни людей. Своеобразие содержания этой речи, ее научная оригинальность определялись в значительной мере

¹ Впервые после публикации речи Крашенинникова в 1750 году (в издании «Торжество Академии наук... 6 сентября 1750 года») она была полностью напечатана в 1966 году в сборнике «С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы». Содержательный анализ ее дан Н. Н. Степановым во вступительной статье к сборнику.

тем, что в ней нашли отражение мысли, возникшие у Крашенинникова в результате путешествия по Сибири и Камчатке.

Показательны в этом отношении суждения, смысл которых состоит в том, что «мастерства», технические изобретения, сами науки — их зарождение и развитие — все это связано с материальными потребностями, «нуждами» людей. Крашенинников поясняет эти мысли примерами, почерпнутыми из жизни камчатских племен.

«Нужда делает остроумными (здесь и далее курсив наш. — Н. Ф.). Известно, что самые дикие народы имеют по обстоятельству состояния своего потребное к содержанию. Кто бы подумал, что без железа обойтись можно? Однако же есть примеры, что камень и кость вместо того служит на топоры, копья, стрелы, панцири, и прочая. Камчадалы, не учась физики, знают, что можно огонь достать, когда дерево о дерево трется, и для того будучи лишены железа, деревянные огнива употребляют. Искусство же показало им, что есть, варить можно и в берестеной и в деревянной посуде. Чего ради все мастерства и художества по большей части от простых и самых бедных начал имеют происхождение. Так, например, строение кораблей, без сомнения, — от лодок, архитектура — от шалашей и прочая, а потом разумными людьми час от часу приводились в лучшее состояние, пока наконец пришли в совершенство нынешнего времени».

Далее следует важное для уяснения взглядов Крашенинникова рассуждение о будущем изобретений, наук, о том, что «совершенство нынешнего времени» нельзя счесть для людей достаточным. «Но можно ли думать, что все ныне в таком состоянии, что не требуется никакого к тому поправления?» — спрашивает он. И отвечает так: «Есть еще во всем такой недостаток, что для награждения [восполнения] его не жизнь человеческая, но многие веки потребны...»

Глубокой верой в силу человеческого разума, в безграничное развитие науки и культуры звучат слова Крашенинникова о том, что каждые последующие поколения продолжают и завершают работы предыдущих: «Не всякое же дело от того приводится к окончанию, от которого начинается, но один, следуя стопам другого, всегда в нем поступает дале... Что начато, тому совершиться почти завсегда можно, хотя не в один век, так во многие, а что отлагается [т. е. откладывается], оное всегда еще

начинать должно. И для того доброе начало за половину всего дела почитается. ...И деревья не с тем завсегда сажаются, чтоб самим пользоваться плодами их... Сколько ж бы времена наши заслужили пороку, есть ли бы мы, наслаждаясь трудами предков наших, ничего вновь потомству не оставили?»¹

Уже приведенные выдержки могут дать определенное представление об отличительных чертах мировоззрения Крашенинникова — передового ученого-просветителя.

Крашенинников во многом разделял и обусловленную исторически ограниченность, свойственную просветителям XVIII столетия. «Блаженство и бедность рода человеческого, — говорил он, — единственно зависит от разности просвещения разума»². Тем более интересны элементы материалистического понимания происхождения и развития культуры, содержащиеся в приведенных выше его высказываниях.

В речи «О пользе наук и художеств» находим размышления о географии, астрономии, медицине, натуральной истории, химии и других отраслях наук.

В том же 1750 году, когда была произнесена эта речь, была написана и вдохновенная поэтическая ода Ломоносова, в которой он обращался к наукам с призывами служить отечеству, общей пользе. Вот, например, что было сказано о химии:

В земное недро ты, Химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища сткрой.

А Крашенинников говорил о том, что множество природных тел, которые используются в хозяйстве, «употреблять бы нам не можно было, ежели бы не способствовала тому химия и не исследовала их свойства. Чего ради все бы металлы лежали втуне, не имели бы мы лекарственных составов и различных красок...»³.

И в этом, и в других определениях задач науки обоими учеными подчеркнута значение каждой отрасли науки для жизни людей, для практики.

Ученому-путешественнику, прошедшему тысячи верст дорогами Сибири и Камчатки, в особенности должны

¹ Сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 235—236.

² Там же, стр. 227.

³ Там же, стр. 234.

были стать близкими проникновенные слова, с которыми обращался к наукам Ломоносов:

О вы, щастливые науки.
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю и пучину
И степи и глубокий лес
И нутр Рифейский и вершину
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть великс и прекрасно,
Чего еще не видел свет.

Воззрения этих ученых были общими и в понимании того, что наука не должна быть кастовой, отгороженной от народа.

«...Простой народ за недостаток почитает не иметь в науках участия» — эти слова находим в заключительной части речи «О пользе наук и художеств».

* * *

Подобно другим разночинцам, которым удалось в XVIII веке пробиться к знаниям, стать учеными, студенту, позднее адъюнкту и профессору Петербургской Академии Степану Крашенинникову всю жизнь пришлось испытывать жестокую нужду. Ученые звания не избавили его от бедности.

Сохранились пожелтевшие от времени листки бумаги с короткими строками прошений Крашенинникова. В одном из них, написанном в 1747 году, Крашенинников просит Академию выдать ему в счет жалованья десять рублей и поясняет, почему он вынужден обращаться с этой просьбой: «Нахожусь в такой бедности, что дневного пропитания почти не имею». Далее он пишет, что болен и ему нужно купить лекарств, а их «из аптеки в долг не отпускают». В другом прошении, написанном позднее, Крашенинников вновь просит несколько рублей, так как «лекарства купить не на что...».

Постоянная борьба с нуждой подтачивала силы ученого. Жизнь его после возвращения с Камчатки длилась сравнительно недолго — около тринадцати лет. Но все эти годы были наполнены неустанной и разносторонней научной деятельностью.

Ученым Академии доводилось заниматься самыми разнообразными делами, и Крашенинников, кроме того что разрабатывал материалы экспедиции на Камчатку, заведовал ботаническим садом, переводил книгу античного историка Квинта Курция «О делах Александра Македонского», принимал участие в рассмотрении переводов поэта Тредьяковского, читал лекции по натуральной истории и ботанике в академическом университете и т. д.

В «академическом огороде», как называли тогда ботанический сад при Академии наук, Крашенинников был сначала помощником заведующего Иоганна Сигизбека. Этот «ученый» пробовал опровергать в науке все, что, по его мнению, было неуместно богу. Он, например, написал трактат, направленный против учения Коперника, всячески доказывая в нем, что Земля неподвижна.

В Академии подобный трактат вряд ли мог найти еще какого-либо сторонника среди естествоиспытателей. Но надо думать, у Сигизбека находились покровители иного рода. В XVIII веке богословы относились к Копернику настороженно, с опаской. Ученикам Иконоспасской школы систему мира продолжали объяснять по Птолемею. Совсем не лишним поэтому было замечание, которое сделал в одном из своих выступлений, посвященном Копернику, известный математик Даниил Бернулли: «Времена, когда нельзя было, не впадая в ересь, сказать, что земля кругла, что существуют антиподы, что земля движется, — отнюдь не заслуживают похвал». Изредка и в научном мире все еще появлялись «ниспровергатели» Коперника вроде Сигизбека. Он занимался, впрочем, сходными упражнениями и в области ботаники: «опровергал» Линнея, доказывая, что растения не могут иметь пола, ибо бог не допустил бы такой безнравственности.

Подобные труды были излюбленным занятием Сигизбека. А его сыновья, великовозрастные повесы, безнаказанно буйствовали в ботаническом саду, нагоняя страх на стариков-садовников и портя редкие растения.

Заведующий «академическим огородом» встретил нового помощника недружелюбно и начал донимать его разными придирками и кляузлами. Наконец Сигизбек был уволен, и заведование садом передали Крашенинникову, который немало потрудился, чтобы привести его в порядок.

Начал Крашенинников в эти годы описание местной флоры. Он обратил внимание на то, что ни в ботаническом

саду, ни в академической кунсткамере почти не было растений из близких к Петербургу мест. Ученый отправился в окрестности Петербурга и Новгорода. Он бродил по лугам, забирался в топкие болота и возвращался в столицу с богатым сбором. В собранной им коллекции было несколько сот растений.

Спутником и помощником Крашенинникова в этих маршрутах и ботанических исследованиях был его ученик — двадцатичетырехлетний К. И. Щепин, имя которого вошло в историю русской науки XVIII века. Константин Щепин к тому времени, как он встретился с Крашенинниковым, уже побывал за границей, пробовал получить медицинское образование в Италии, в Падуанском университете, но денег, да и подготовки для обучения не хватило. В 1751 году он был принят в студенты Петербургской Академии наук и, по его собственному желанию, определен для изучения натуральной истории к С. П. Крашенинникову. Вскоре «для поощрения его к дальним [то есть дальнейшим] успехам в науке» Щепина назначили также на должность переводчика. Крашенинников высоко оценил любознательность, способности и неистощимую энергию своего нового ученика. Для совершенствования в области ботаники Щепин был направлен в 1753 году в Голландию на три года. Он переписывался со своим учителем, надеялся работать вместе с ним по возвращении в Россию. Но когда он вернулся, наставника его уже не было в живых, а самого Щепина перевели из Академии в медицинское ведомство. Одно из описанных им растений Щепин назвал в память о Крашенинникове его именем. «Этот человек, — писал он, — ученейший муж, мой доброжелатель и учитель». Позднее Щепин стал доктором медицины, крупным медиком. Он сохранил и живой интерес к ботанике, преподавал ее наравне с медицинскими предметами ученикам Московской госпитальной школы. Щепин — один из тех, кто был обязан Крашенинникову как первому подлинному наставнику в науке¹.

В годы академической деятельности Крашенинников нередко выступал по важным научным вопросам совместно с Ломоносовым. В 1750 году, например, оба они ре-

¹ См. подробнее: В. В. Куприянов. С. П. Крашенинников и его ученик К. И. Щепин. Новые материалы к биографии С. П. Крашенинникова. — «Ботанический журнал», 1956, т. 41. № 4.

шительно выступили против превратной трактовки истории Древней Руси в работе Миллера «Происхождение имени и народа Российского», в которой древнерусскому государству вопреки историческим данным приписывалось норманское происхождение. После выступления Крашенинникова Миллер грубо заявил, что Крашенинников в Камчатской экспедиции был у него «под батошьем» (под палками), то есть, будучи простым студентом «худородного» происхождения, находился под его начальством. По справедливым словам А. П. Окладникова, «это было драматическое столкновение не только двух противоположных полигических направлений в исторической науке того времени — норманистов и антинорманистов, — но и классов, крепостника по убеждениям Миллера и солдатского сына Крашенинникова»¹.

В 1750 году Крашенинникову было поручено дело, к которому отнесся с особенной любовью и занимался им вплоть до конца жизни: ему отдали в заведование академическую гимназию и университет.

Сохранившиеся документы о педагогической деятельности Крашенинникова свидетельствуют о внимательном и любовном отношении его к своим молодым питомцам.

«Февраля 4 дня в ночное время приходил лекарь Елачич в студенческие покои и ругал их всякой непотребной бранью», — записано в одном из донесений Крашенинникова в Академическую канцелярию. Далее говорится, как лекарь, выхватив «скрыпицу» (скрипку) из рук студента, разбил ее об его голову на мелкие части. «Такие наглые поступки... не столько обиженным студентам, сколько нам, коим они поручены в смотрение, чувствительны и огорчительны, — возмущенно пишет ректор. — ...Не было бы беднее студентского состояния, если бы всякому... вольно было поступать с ними объявленным образом. Чего ради канцелярию покорнейше прошу об удовольствии [то есть удовлетворении] за учиненную нам обиду и о возвращении 12 рублей за разбитую им скрыпицу студента».

Обиду, нанесенную студенту, С. П. Крашенинников называет в этом донесении обидой, «учиненной нам».

¹ А. П. Окладников. Предисловие к сб. «С. П. Крашенинников в Сибири...», стр. 7.

Характерна для Крашенинникова как воспитателя академических гимназистов запись в делах Академической канцелярии: «Сего числа профессор университета, ректор и гимназии инспектор г-н Крашенинников рапортом канцелярии представлял коим образом конректор [помощник ректора] Штенгер поступал с учениками, в наказание увеча их палкою...» В этом рапорте Крашенинникова говорилось, что «от таких наказаний не столько исправление учеников, сколько вреда ожидать должно... Такие увечья могут в них и охоту к наукам угасить и здравью молодых оных детей неисцельный вред нанести к великому ущербу ожидаемой от них пользы...». Крашенинников требовал, «чтобы его, Штенгера, от таких предосудительных своевольств унять» и наложить на него штраф. «Ежели же положенного штрафа нести он не пожелает, то Академии немного убытка будет, когда он, Штенгер, службу оставит, ибо на его место много достойнейших его и искуснейших из российских студентов...»¹

В числе учеников С. П. Крашенинникова были юноши, имена которых вошли в историю отечественной науки. Гимназист Иван Лепехин, подобно своему первому наставнику, стал натуралистом и продолжил его труды по географическому изучению страны. Он был выдающимся путешественником, исследователем России. Десятилетний мальчик Иван Лепехин и профессор Академии С. П. Крашенинников впервые встретились в 1751 году. В указе о новом ученике говорилось: «От роду ему десять лет, не из дворян, солдатский сын, грамоте российской и писать обучен». Сохранилось письменное сообщение Крашенинникова о том, что новичок ничему не обучался, кроме грамоты, и приступил к занятиям по арифметике и немецкому языку. И еще в одном рапорте говорится о понятливости и прилежании мальчика, о том, что он вполне достоин быть учеником гимназии на жалованье. В Академической канцелярии порешили: положить ему жалованье 12 рублей в год.

Еще в юности, в стенах гимназии, Лепехин выбрал свой будущий путь. «Я... чувствовал в себе издавна особую склонность к натуральной истории», — написал он в 1763 году, уже будучи студентом. Спустя еще пять лет молодой адъюнкт Академии наук и доктор медицины (в

¹ См. подробнее в кн.: *Н. Г. Фрадкин. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768—1773 гг.* М., 1953.

XVIII веке врач и натуралист часто совмещались в одном лице) И. И. Лепехин отправился в многолетнюю экспедицию по русским землям — одну из самых замечательных академических экспедиций XVIII века.

В истории географических исследований России имя И. И. Лепехина по праву стоит рядом с именем его первого учителя.

ОПИСАНИЕ КАМЧАТКИ

Жизнь Крашенинникова в Петербурге не была богата особыми событиями. Внешне это обыденная жизнь адъюнкта, позднее профессора Петербургской Академии XVIII века, педагога, любящего своих учеников, обремененного всяческими заботами, часто болеющего и перебивающегося с семьей на скромное жалованье. И только обратившись к его книге «Описание земли Камчатки», можно понять, какой громадный труд был им проделан за эти годы. Самоотверженно в течение десятилетия он создавал монументальное научное произведение, которому суждено было обрести бессмертие.

В 1753—1754 годах работа Крашенинникова в окончательной редакции приняла тот вид, в котором была опубликована уже после смерти автора¹. Рукопись состояла из четырех частей. Первая из них называлась «О Камчатке и о странах, которые в соседстве с нею находятся». В этой части сообщались сведения о географическом положении Камчатки, ее границах и о соседних с ней Курильских островах; было рассказано о поверхности полуострова и особенно подробно — о камчатских реках.

Картографы, натуралисты, люди, издалека прибывавшие на Камчатку, впервые получили обстоятельное описание полуострова, размерами своими превышающего Апеннинский. Одних только рек, речек, ручьев, проток было описано в первой части книги около семисот. А заключительная глава этой части — «О проежжих камчатских дорогах» — была введена в книгу прежде всего для удоб-

¹ История создания рукописи, ее первоначальных и окончательной редакций подробно освещена И. И. Степановым в его вступительной статье к академическому изданию (1949 г.) «Описание земли Камчатки».

ства путешественников: «...чтоб читателю желающему ве-
дать расстояния от места до места не было нужды тру-
диться в исчислении верст... и видно бы было сколько
где в дороге ночевать должно»¹.

Вторая часть труда получила название «О выгоде и
о недостатках Камчатки». Эта часть особенно Примеча-
тельна в географическом отношении. Она включает гла-
вы «О свойстве Камчатской земли в рассуждении не-
достатков ее и изобилия», «Об огнедышащих горах и о
происходящих от них опасностях», «О горячих ключах»,
«О металлах и минералах камчатских», «О произра-
стающих [растениях]...», «О зверях земных», «О зверях
морских», «О рыбах», «О птицах», «О насекомых и га-
дах», «О приливе и отливе...».

Как видно уже из этого перечня, описание природы
Камчатки, сделанное Крашенинниковым, отличалось
большой разносторонностью. Для позднейших исследова-
телей оно оказалось подлинной сокровищницей различ-
ных сведений. Еще многие десятилетия ученые черпали из
этого описания все новый материал.

Примечательна эта часть труда Крашенинникова не
только богатством естественнонаучного содержания. Са-
мо название ее — «О выгоде и о недостатках Камчат-
ки» — показывает, что внимание автора обращено к воп-
росу о возможностях дальнейшего освоения и заселения
Камчатки. Он выступил против ходячего рассуждения о
том, что «оная страна больше к обитанию зверей, нежели
людей способна». Камчатка, писал он, «...к житью чело-
веческому не меньше удобна, как и страны всем изобиль-
ные»².

Эти высказывания содержатся во вступлении ко второй
части книги. Ученый называет при этом и различные не-
достатки, и преимущества Камчатской земли, приглаша-
ет читателя самостоятельно поразмыслить над ними, но
собственное отношение Крашенинникова к вопросам о
возможностях освоения Камчатки выражено вполне оп-
ределенно.

К недостаткам Камчатки отнесены им отсутствие
«хлебов», лошадей, рогатого скота («она бесхлебное мес-
то и не скотное»), а также то, что подвержена она «вели-
ким опасностям от частых земли трясений и наводнений»,

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 187.

² Там же, стр. 193.

и еще, что погоды на ней «неспокойные». К преимуществам — «здоровый воздух и воды», отсутствие опасных болезней и то, что на ней «нет беспокойства от летнего жару и зимнего холоду», нет ядовитых животных.

Недостатки, по его мнению, могут быть во многом исправлены «заведеннем пашни», завозом нужных в хозяйстве животных. К тому же Камчатка удобна для строительства кораблей: «лесу на строение судов... довольно», а «пристаней, где стоять судам, немало». Особенно хороша Петропавловская гавань: «В рассуждении пространства ее, глубины, натурального укрепления и прикрытия от всех ветров трудно сыскать подобную ей в свете».

«Что же касается до опасности от трясения земли или наводнения, то сей недостаток и в других многих землях примечается, которые однако ж для того не почитаются неспособными к обитанию». Заключается вступление к второй части книги такими словами: «Впрочем сами читатели о том рассудят, когда прочтут обстоятельное той страны описание касающееся до недостатков ее и изобилия, которое в сей части сообщается»¹.

Старинный оборот речи — «описание касающееся до недостатков ее и изобилия» — выражает мысль важную и актуальную не только для научного познания Камчатки, но и для дальнейшего развития географии XVIII века. Эта география была описательной. Однако описывали страны географы по-разному. Во многих страноведческих описаниях того времени мы находим простой набор всевозможных сведений о природе и населении страны. А в понимании Крашенинникова описывать страну надо так, чтобы читатель мог уяснить преимущества и недостатки ее для жизни людей, для ее хозяйственного освоения.

В таком подходе к описанию природы Камчатской земли отчетливо выразилась общность взглядов Крашенинникова и Ломоносова на непосредственное, практическое значение географии и других наук, исследующих Землю.

Несколько лет спустя после выхода в свет «Описания земли Камчатки» Ломоносов составил проект организации Академией наук географических экспедиций по России. Свою записку с изложением этого проекта он начал словами о пользе, которую приносит география: «Сколь-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 193—195.

ко происходит пользы от географии человеческому роду, о том всяк, имеющий понятие о всенародных прибытках, удобно рассудить может. Едино представление положения государств, а особливо своего отечества, производит в сердце великое удовольствие. Колми же паче оное больше быть должно, когда из того действительную общую и собственную для себя пользу усмотреть можем»¹.

Таким образом, уже в трудах выдающихся ученых XVIII века намечались общие подходы к географии как науке, которой надлежит помогать людям осваивать земли, овладевать стихийными силами природы. Намечались и получившие позднее широкое развитие в географии такие способы исследования и описания территории, как географическое сопоставление разных ее частей, выяснение местных особенностей и пространственных различий ее природы.

Вот что сказано в самом начале главы «О свойстве Камчатской земли в рассуждении недостатков ее и изобилия»: «...здесь сообщим мы известие о качестве земли, в которых она местах способна или неспособна к плодородию, где какой недостаток или изобилие, как какая погода наиболее бывает и в которое время: *ибо она страна по разности положения места в рассуждении высоты полуса [полюса] и близости или отдаления от моря имеет во всем и свойство различное*» (курсив наш. — Н. Ф.).

Под полюсом здесь разумеется астрономический «полюс мира» — точка, в которой с небесной сферой пересекается ось ее видимого вращения. По высоте «полюса мира» над горизонтом определяется географическая широта местности. Таким образом, Крашенинников обращает внимание на различия природы отдельных частей Камчатки в зависимости от их географической широты и удаления от моря.

Приведем в качестве примера фрагмент из описания погоды в разных местах Камчатки («Где какая погода бывает и в которое время»).

Лето на западном побережье Камчатки, омываемом Охотским морем, описывается так: «Лето весьма неспокойно, мокро и холодно, а причиною тому великое восхождение паров, и около лежащие нетающим снегом покрытые горы. Часто случается, что по неделе, по две и по

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 211—212.

три солнца не бывает видно: напротив того, не случилось того во всю мою бытность, чтоб неделю сряду простояло ведро [то есть ясная погода]. Нет такого ясного по тамошнему месту дни, в которой бы с утра не видно было туману, которой как сильной мелкой дождь до тех пор продолжается, пока солнце близко к полудню приближается, а от того ненастья также и от помянутых гор бывает в приморских местах такая стужа, что без теплого платья пробыть отнюдь невозможно. Сильных дождей и сильного грома и молнии там не примечено, но дожди падают мелкие, гром как бы под землю бывает слышен, а молния пребезмерно слабо блистает».

Иное лето бывает в местностях, расположенных в удалении от моря: «В местах отдаленных от моря, а особливо около Верхнего Камчатского острога, летняя погода бывает совсем особливая: ибо с апреля до половины июля продолжается ясная погода, после долгоденствия продолжают дожди до исходу августа...»

«...Разность между восточною и западною страню Камчатки ясно видима, когда от вершины реки Быстрой к [реке] Камчатке пойдешь. К Пенжинскому [то есть Охотскому] морю воздух всегда густым кажется и пасмурным, а облака густые и синие, одним словом тамошние места темнее, а на [реке] Камчатке будто на другом свете: потому что и земля там выше и воздух светлее и чище»¹.

Легко видеть, что особенности летней погоды в приведенных описаниях рассматриваются Крашенинниковым в связи с большим или меньшим воздействием на климат моря, а также с различиями в устройстве поверхности отдельных частей Камчатки.

С некоторыми сведениями, которые содержатся во второй части «Описания земли Камчатки», о камчатских вулканах, горячих источниках, растительности и животном мире читатель познакомился выше. Скажем здесь лишь о степени точности множества географических данных о камчатской природе, которые находим в труде Крашенинникова. Насколько велика эта точность, можно судить по результатам позднейших исследований. Такие сопоставления делались неоднократно. Обратимся к одному из новейших историко-географических трудов — «История открытия и исследования Советской Азии». Об

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 201—203.

истории исследований Сибири и Дальнего Востока написал в этом труде Л. Г. Каманин — географ, которому принадлежит и интересный общий очерк о С. П. Крашенинникове¹. В качестве примеров, характеризующих точность и достоверность наблюдений Крашенинникова, исследователь приводит два показательных факта.

В 1739 году, путешествуя по восточному побережью Камчатки, Крашенинников описал местонахождение пихты. Поныне пихта на полуострове известна только там, где ее обнаружил Крашенинников, — в бухте Семячик. Неподалеку от этого места он нашел гейзеры, присутствие которых на Камчатке на протяжении почти двух столетий отрицалось всеми исследователями, пока Т. И. Устинова не только подтвердила правильность наблюдений Крашенинникова, но и открыла много новых гейзеров². По справедливым словам исследователя, «...наблюдения, положенные в основу труда, отличаются изумительной точностью. Можно подивиться умению Крашенинникова все видеть и все охватывать»³. Столь же точными и разносторонними были и этнографические наблюдения Крашенинникова, и его исторические изыскания.

* * *

«О камчатских народах» — так назвал Крашенинников третью часть своего труда. Этнография как самостоятельная наука в XVIII столетии только зарождалась, и Крашенинникова, одного из первых русских этнографов, впоследствии метко называли «Нестором русской этнографии». Ныне эта часть «Описания земли Камчатки» является незаменимым источником для ученых. Это классический памятник русской этнографии, в котором дано правдивое и обстоятельное изображение жизни ительменов в те времена, когда они лишь начали переходить от каменного топора к металлическим орудиям. В книге рассказывается также о коряках и чукчах.

Установление того факта, что ительмены до появления русских на Камчатке знали лишь каменные орудия, было

¹ Л. Г. Каманин. С. П. Крашенинников. — В кн.: «Первые исследователи Дальнего Востока». М., 1946.

² А. А. Азатьян, М. И. Белов, Н. А. Гвоздецкий, Л. Г. Каманин, Э. М. Мурзаев, Р. Л. Югай. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969, стр. 313.

³ Там же.

одним из открытий Крашенинникова. Быт ительменов он описывает со множеством деталей, стараясь не упустить ни одной, хотя бы и мельчайшей. Как отмечали исследователи позднейшего времени, быт ительменов запечатлен в книге с вдумчивостью и проникновенной наблюдательностью, свойственной большому ученому.

Поэтому и смогли впоследствии этнографы, пользуясь описаниями Крашенинникова, установить в главных чертах общественный строй ительменов XVIII столетия, охарактеризовать их хозяйство и культуру. Ключ к объяснению коренных особенностей первобытнообщинного строя наука получила более чем столетие спустя после Крашенинникова, когда появилась работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Естественно, что многое в укладе жизни ительменов не могло найти у Крашенинникова общей исторической оценки. Однако и в попытках объяснить те или иные обычаи, и в самом описании их Крашенинников выступает не только как глубокий наблюдатель, но и как передовой для своего времени ученый.

Описывая первобытные обычаи ительменов и коряков, повествуя о грубых «забавах» и суевериях, Крашенинников не относится к ним как к людям «низшей расы». Он убежден, что все народы могут стать культурными. Ученый пишет о том, что ительмены уже воспринимают многое у русского населения Камчатки, что для детей камчадалов нужны школы. В главе «О прежнем состоянии камчатского народа» он высказывает уверенность, что «в краткое время много варварства без сомнения искоренится»¹.

В описании орудий и предметов обихода ительменов находим замечание, смысл которого состоит в том, что материальные потребности приводят к полезным и важным изобретениям уже в первобытном обществе: «...сии средства не разумной или ученой народ вымыслил, но дикой, грубой и трех перечесть не умеющий. *Столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни*»² (курсив наш.— Н. Ф.). С этим замечанием связаны и мысли, высказанные Крашенинниковым в речи «О пользе наук и художеств».

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 373.

² Там же, стр. 380.

Примером изложения Крашенинниковым своих наблюдений может служить его описание мужских и женских работ ительменов в разные времена года. Это описание, представляющее выдающийся интерес для этнографа, замечательно и своим языком. Оно изложено выразительно и просто:

«В камчатском житье, как в крестьянстве, в разные времена и работа бывает различная. Летнее время мужчины трудятся в ловле рыбы, в сушении ее, в перевозке от моря на свои жилища, в припасе собакам корму... А женщины между тем чистят изловленную рыбу, пластают, а иногда и в ловле мужьям способствуют. Излишнее время употребляют они на собиранье разных трав, коренья и ягод не токмо на пищу, но и в лекарства...»

«Когда осень настанет, тогда мужчины упражняются в ловле осенней рыбы, в промысле различных птиц, гусей, лебедей, уток и прочая;... заготавливают лес к деланию саней и другой работе потребной; а женщины водятся с кропивой, рвут, мочат, мнут, обдирают и кладут под балаганы, ходят по тундрам и вынимают из мышьих нор лилейные коренья...» (съедобные корни, собранные мышами на зиму.— Н. Ф.).

«Зимую мужчины ходят за соболями и лисицами, вяжут сети для ловли рыбы, делают санки, ездят за дровами... А женщины наиболее трудятся в сучении ниток на сети...»

При чтении главы «О мужской и женской работе», из которой взяты приведенные фрагменты, явственно возникают картины жизни ительменов. Чередуются времена года, сменяются и занятия людей — рыболовов, охотников, собирателей съедобных растений. Об этих занятиях в «Описании земли Камчатки» можно прочесть и разные примечательные подробности. Так, например, интересным добавлением к краткому указанию на то, что осенью женщины разыскивают в тундре съедобные коренья, заготовленные в подземных норах полевыми мышами, служат сведения, сообщаемые в главе «О зверях земных». В ней перечислены растения, корни которых собирают на зиму полевые мыши, и упомянуто о том, что осенью эти «коренья» и кедровые орехи женщины из селений ительменов вынимают из подземных нор «с радостью и великими обрядами». Здесь же приведено и сообщение об этих обрядах. Чтобы не обидеть хозяина подземного жилища, ему,

по рассказам ительменов, не только оставляли несколько кореньев, но даже клали в нору немного сухой рыбьей икры.

К приведенным выше строкам о зимних занятиях ительменов добавляется еще, что женская работа по изготовлению сетей продолжительна: одна женщина с трудом столько может сделать, «чтоб мужу достало потребных сетей на лето». Зато если в семье несколько женщин, то нити для сетей они готовят с избытком и обменивают их «на угодные себе мелочи».

Затем описываются весенние работы: «Весною, когда реки проходят, и рыба, которая в них зимовала, к морю подымается, мушны упражняются в ловле ее...а некоторые и в дальние места на Восточное море и на Курильскую лопатку для ловли морских бобров и других морских зверей отлучаются; а женщины ходят по тундрам, собирают черемшу и другие молодые травы не токмо для награждения обыкновенного тогдашнего недостатку в пище, но и для забавы: ибо они зелень так любят, что все вешнее время почти из рота не выпускают. Женский пол весь тогда по тундрам ходит, и вечером с превеликими ношами домой возвращаются, однако тех нош не станет им на сутки».

И еще о повседневных мужских и женских работах, не приуроченных к тому или иному сезону года, а проводившихся в разное время по мере надобности: «Сверх того до мужской работы принадлежит юрты и балаганы строить, юрты топить, стряпать, собак кормить, при случае гостей подчивать, собак обдирать и других зверей, когда понадобятся на платье, и в приуготовлении домового и военного снаряду; а женская работа состоит в выделывании кож на платье и обувь, в шитье платья и обуви, ибо они у камчадалов и портные и сапожники...»¹

Каждая из деталей этого описания бесценна для реконструкции образа жизни, свойственного некогда ительменам.

А в других главах, повествующих «о камчатском платье», «о пище и питии камчатского народа и о приуготовлении оных», «о шаманах камчатских», «о праздниках и наблюдаемых при этом церемониях», «о сватании и свадьбах», «о рождении и воспитании детей» и о мно-

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 383—386.

гих других обычаях, занятиях, обрядах, найдем не менее важные этнографические описания, изложенные просто, выразительно, прекрасным языком. Мало кто из ученых Петербургской Академии наук XVIII века может быть сопоставлен с Крашенинниковым не только по научной ценности работы, но и по самому ее стилю.

Четвертая, заключительная часть книги посвящена истории Камчатки со времени появления на ней русских людей и присоединения ее к Российскому государству. Крашенинников тщательно изучил документы, хранившиеся в камчатских архивах. Впоследствии многие подлинники документов, переписанных им, были утеряны. Неизвестна даже судьба архивов Большерецкого, Верхне-Камчатского и Нижне-Камчатского острогов. И только труд Крашенинникова сохранил для науки сведения, почерпнутые в этих архивах. Составляя историю Камчатки, ученый пользовался и материалом «словесных известий», воспоминаниями местных жителей, хранившимися в народной памяти.

Крашенинников изложил и содержательно прокомментировал «словесные известия» о том, как попал на Камчатку в середине XVII века спутник С. И. Дежнева Федот Алексеевич Попов, рассказал о походе Владимира Атласова, о строительстве первых русских поселений на Камчатке. Он правдиво описал и темные стороны камчатской жизни: бесчинства и беззакония представителей царской администрации, которыми были вызваны казацкие бунты, а также восстания ительменов в XVIII веке.

В исторической части работы, так же как и в других ее частях, Крашенинников выступает как передовой русский ученый. Он считает, что освоение Камчатки — развитие ее хозяйства и распространение русской культуры — должно способствовать пользе отечества, идти на благо населению этого полуострова.

Примечателен для истории географической мысли сравнительный разбор преимуществ и недостатков местоположения (географического положения) отдельных русских поселений на Камчатке, который сделан Крашенинниковым в исторической части его труда. Вот как оценивает он, например, преимущества Верхне-Камчатского острога, выстроенного на реке Камчатке, сравнительно с Большерецким, расположенным недалеко от Охотского побережья.

«Сей острог [то есть Верхне-Камчатский] в рассуждении погоды и лесу великое имеет перед Большерецким преимущество, ибо там всегда бывает изрядная погода, а лес хотя тополовый, однако толстой, и с малым трудом получить можно, чего ради и хоромное строение в оном остроге гораздо лучше Большерецкого. Имеет же упомянутой острог и в том преимущество, что земля там способна к плодородию, и пахатных мест больше и лучше тех нигде не находится. Но в рассуждении рыбных промыслов беден, для того что рыбы по дальности расстояния его от моря и немного туда доходят и весьма поздно»¹ и т. д.

Неизменное пристальное внимание к возможностям использования природных условий описываемой земли, к ее естественным богатствам — одна из главных особенностей книги Крашенинникова. Его труд принадлежит к классическим произведениям русской географии XVIII века, с которыми преемственно связано дальнейшее развитие географической науки, установление ее теоретических подходов к исследованию, уяснение ее неразрывной связи с запросами практики.

* * *

На титульном листе первого издания «Описания земли Камчатки» значится 1755 год. В действительности книга вышла в свет несколько позже — в 1756 году. Автору книги так и не довелось увидеть ее напечатанной. 25 февраля 1755 года Крашенинников умер. О горькой судьбе его осиротевшей семьи можно узнать из пьесы «Тресотинус» писателя А. П. Сумарокова, современника С. П. Крашенинникова. Один из героев этой пьесы произносит монолог, в котором, несомненно, подразумевается Крашенинников. В нем говорится о том, как принимают в знатных домах людей бесчестных и честных.

Бесчестного принимают с почетом, хотя знают, «что он чужим и неправедным разжился». «А честного-то человека детки пришли милостыню просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был в Камчатском государстве, и об этом государстве написал повесть; однако сказку его читают, а детки-то его ходят по миру. А у дочек-то его

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 502.

крашенные бастроки, да и те в заплатках,— даром то, что отец их был в Камчатном государстве и для того, что они в крашенном толкаются платье, называют их крашенинскими».

Труд Крашенинникова вскоре после выхода его в свет был переведен на немецкий, французский, английский и голландский языки. И во второй половине XVIII века, и много позже эта книга неизменно сопровождала путешественников, которые побывали на Камчатке. Ее взял в дальнее плавание знаменитый гидрограф Г. А. Сарычев. Он посетил Камчатку спустя полвека после Крашенинникова и сравнивал увиденное с тем, что прочел в «Описании земли Камчатки». Английское издание этой книги достигло камчатских берегов на корабле третьей экспедиции Джемса Кука. В начале XX века книгу привез на камчатскую землю ботаник и географ В. Л. Комаров. Путешествовала она и по другим местам и другим странам, побывала в руках многих людей разных эпох. В числе ее внимательных читателей был и А. С. Пушкин.

Известно, что в январе 1837 года Пушкин конспектировал труд Крашенинникова, вдохновивший его на новый творческий замысел. Последние заметки при чтении были сделаны им 20 числа, всего за неделю до трагической гибели. Среди книг, оставшихся на рабочем столе поэта, лежало и «Описание земли Камчатки».

В XVIII — начале XIX века труд Крашенинникова издавался трижды. Четвертое издание вышло в свет в советскую эпоху, в 1949 году¹. В этом издании впервые опубликованы многие материалы, хранившиеся около двух веков в академическом архиве. В их числе — письма и отчеты Крашенинникова, которые он посылал с Камчатки.

Путь Крашенинникова к земле Камчатке длился годы. Ныне он может быть измерен лётными часами. Совсем иной стала и сама Камчатка. Советские люди преобрази-

¹ Труд Крашенинникова вышел в свет в конце 1756 г. (на титульном листе книги указан 1755 г.), был переиздан в 1786 и 1818 гг. Современное академическое издание этого труда (1949 г.), с приложением многих ранее неопубликованных материалов, было подготовлено Институтом географии АН СССР, Географическим обществом Союза ССР и Институтом этнографии АН СССР. Научную редакцию этого издания осуществили академик Л. С. Берг, академик А. А. Григорьев и профессор Н. П. Степанов.

ли этот край. Там, где глухими тропами шел первый исследователь полуострова, проложены автомобильные дороги, выстроены промышленные предприятия. Из года в год камчатскую природу изучают геологи, географы, ученые многих других специальностей. Путиами Крашениникова проходят путешественники — исследователи родного края, среди них и потомки ительменов, сложивших некогда песню о студенте Академии наук.



СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|-----------------------------|----|
| В ПУТИ | 6 |
| У КРАЯ ЗЕМЛИ | 22 |
| В АКАДЕМИИ | 38 |
| ОПИСАНИЕ КАМЧАТКИ | 47 |

Фрадкин Н. Г.

Ф82 С. П. Крашенинников. Изд. 3-е, дополненное. М., «Мысль», 1974.

60 с. ил. и карт. (Замечат. географы и путешественники).

Книга посвящена выдающемуся исследователю Камчатки С. П. Крашенинникову. В ней рассказывается о путешествии Крашенинникова на Камчатку в 1737—1741 годах, изучении им природы и населения полуострова, о написании замечательного труда «Описание земли Камчатки», явившегося плодом его исследований.

$\frac{20901-277}{004(01)-74}$ 175-75

91 (09)

Фрадкин, Наум Григорьевич
С. П. КРАШЕНИННИКОВ

**Издание третье,
дополненное**

Редактор *Б. Н. Малкес*
Младший редактор *Л. Ю. Артемьева*
Редактор карт *З. А. Киселева*
Оформление художника *Е. А. Якубовича*
Художественный редактор *В. А. Масленников*
Технический редактор *Л. П. Гришина*
Корректор *Т. Н. Левина*

Сдано в набор 21 мая 1974 г. Подписано в печать 12 сентября 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 3,36.
Учетно-издательских листов 3,1 Тираж 50 000 экз. А-01895.
Заказ № 1116. Цена 9 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

**В 1975 ГОДУ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Баландин Р. К. Пульс земных стихий. 11 л. с ил., 40 к.

Эта книга о катастрофах в истории Земли, о стихийных бедствиях, обрушивавшихся на людей в разные времена. В ней читатель найдет самые разные сведения — от первых легенд о всемирном потопе до современных научных фактов и гипотез.

Каковы масштабы, причины, ритмы и последствия великих катастроф? Как запечатлелись они на поверхности Земли, в горных породах, в памяти человечества? На эти и другие вопросы отвечает книга Р. К. Баландина.

Белоусов И. М., Аксенов А. А. Загадки Океании. 14 л. с ил., 1 р. 35 к.

Из года в год отправляются в экспедицию научные суда, чтобы исследовать воды океана, рельеф и геологию его дна и берегов, течения, острова и населяющие их народы.

Книга «Загадки Океании» посвящена рейсу экспедиционного судна «Дмитрий Менделеев» в 1971 г. в юго-западную часть Тихого океана. Авторы — руководители этой экспедиции — рассказывают о ее работе, о разгадке тайн природы океана, о географических, биологических, геологических, этнографических результатах изучения района, где впервые побывало советское научное судно.

Варшавский А. С. Следы на дне. 10 л. с ил., 35 к.

В последние годы географам и океанологам, геологам и археологам удалось, опираясь на новейшие научные и технические достижения, пролить свет на многие тайны природы и прошлого людей. Научному поиску и посвящены документальные очерки этой книги. В них рассказывается о городе Диоскурия на дне Черного моря, чьи следы долго не удавалось найти, о поиске, который ведут ученые возле острова Крит, у берегов Малой Азии, на Апеннинском полуострове, около Ямайки, в Тихом океане и другом.

Злотин Р. И. Жизнь в высокогорьях. 14 л. с ил., 1 р. 20 к.

Низкая температура, сухость воздуха, напряженная солнечная радиация и сильные неослабевающие ветры — такова специфика высокогорной среды. Как же в этих условиях могут существовать растения и животные, какие приспособления позволяют им образовывать здесь устойчивые сообщества — биоценозы, какова биологическая продуктивность этих сообществ, насколько велики различия в количестве растительной массы, обилии животных, интенсивности биологического круговорота между высокогорными и равнинными сообществами?

Эти вопросы впервые рассмотрены в монографии Р. И. Злотина, написанной в результате многолетних исследований автора в одном из наименее изученных районов Советского Союза — в высокогорьях Внутреннего Тянь-Шаня. Книга предназначена для широкого круга специалистов — географов, зоологов, ботаников, а также научных сотрудников и студентов, работающих в области биогеоценологии и биогеографии.

9 коп.

Издательство
• МЫСЛЬ •

